

В ПИТЕР ВЕРНУТСЯ НЕ ВСЕ

р о м а н

Журналист Дима
Полуянов снимается в
кино, но попадает в
эпицентр реальной
криминальной драмы.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Спецкор отдела расследований

Анна и Сергей Литвиновы
В Питер вернутся не все

«ЭКСМО»

2009

Литвиновы А.

В Питер вернутся не все / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2009 — (Спецкор отдела расследований)

ISBN 978-5-699-36545-6

Журналиста Диму Полуянова пригласили сыграть небольшую роль в фильме по мотивам его книги. Попав в киношную среду, даже Дима, многое повидавший в силу профессии, был удивлен свободой нравов и кипением страстей как на съемочной площадке, так и за ее пределами. Маститый режиссер Прокопенко крутил роман с исполнительницей главной роли Ольгой Волочковской, но в его номер захаживали и другие актрисы. А колоритный актер Никола Кряжин отчаянно ревновал Ольгу, легко променявшую его на более выгодную пассию... Убийство режиссера прямо в купе поезда, которым они возвращались со съемок в Питере, стало для всей группы настоящим шоком. Ведь убийца – один из них...

ISBN 978-5-699-36545-6

© Литвиновы А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна и Сергей Литвиновы

В Питер вернутся не все

Роман НЕ основан на реальных событиях. Всякое сходство персонажей и обстоятельств книги с существующими людьми и действительно случившимися происшествиями возможно лишь случайно.

Глава первая

Умению Полуянова впутываться в различные криминальные истории в журналистском сообществе завидовали. А как не завидовать? Сколько он в приключения ни вляпывался, столько же из них и счастливо выныривал – да еще при том, как правило, держал в зубах «гвоздь»: очередную забойную статью.

Вот и теперь: едва Дима переступил порог купе режиссера... Вернее, даже – переступить он не стал, чтобы не уничтожать возможные улики, а только глянул из коридора... И мгновенно, помимо воли, в его мозгу вспыхнул заголовок к будущему сенсационному материалу:

ЗНАМЕНИТЫЙ КИНОРЕЖИССЕР УБИТ В «СЕВЕРНОМ ЭКСПРЕССЕ»

Наверное, у журналиста уже началась самая настоящая профессиональная деформация. Да-с, деформация, как это ни печально. В ответ на трагедию голова и сердце первым делом выдавали не растерянность, не ошеломление и не горе, а – заголовок...

Что ж, обычное дело. Следователи со стажем трактуют все, что происходит с ними и вокруг них, сквозь призму уголовного кодекса. Врачи при первом же знакомстве мысленно ставят потенциальному пациенту диагноз. Ну а журналисты частенько не только мыслят, но и живут под наркозом газетных штампов. И газетных порядков. Вот и Полуянов сейчас, несмотря на больную, гудящую голову, чудовищный недосып, да и – что уж там лукавить! – общее потрясение, которое он испытал при виде распростертого на постели окровавленного тела режиссера, успел подумать не только о заголовке. Еще – о дед-лайне¹, и о том, сколько ему дадут места на полосе, и сколько у него будет времени для того, чтобы собрать материал и отпиться. Машинально глянул на часы (свои «Тиссо» он никогда и нигде не снимал, помимо ночей и вечеров, что проводил в родимом доме вместе с любимой девушкой Надей). Четверть третьего утра. Белая ночь только-только сменилась неверными, зыбкими сумерками. До прихода «Северного экспресса» на Ленинградский вокзал столицы оставалось шесть с небольшим часов. До подписания очередного номера «Молодежных вестей» – еще четырнадцать. Что ни говори – целая куча времени.

За спиной Димы уже толпились взволнованные, потрясенные пассажиры «вагона повышенной комфортности». А откуда-то из коридора слышались всхлипы и причитания звезды будущего фильма – известной актрисы (и по совместительству, как водится, любовницы режиссера) Ольги Волочковской...

* * *

Впрочем, следует рассказать обо всем по порядку: почему журналист оказался в «Северном экспрессе» и с какой стати возвращался домой из Питера в вагоне суперлюкс в составе киногруппы сериала «Невозможно оторваться». Если быть точным, в условиях повышенной комфортности следовал далеко не весь коллектив, занятый съемками картины, а его *cum de cume*² – наиболее привилегированные члены экспедиции. Как выразился циничный режиссер Прокопенко: «А вся остальная шелупонь пусть едет плацкартой!»

Этот самый Прокопенко и обратился к Диме год назад с просьбой продать студии, где он трудился, право на экранизацию документального романа, некогда написанного журналистом. Полуянов за годы, прошедшие после первой публикации, столько наврал всем вокруг,

¹ Дед-лайн – крайний срок сдачи статьи.

² Сливки (франц.).

будто права на его труд выкупил Голливуд, а к съемкам фильма (по его же сценарию!) вот-вот приступят то ли Лукас, то ли Верховен, то ли Камерон, что даже позабыл, и может ли кто-то вправду его произведение экранизировать.

Дима немедленно навел справки о кинорежиссере Прокопенко. Мастер оказался известен и плодовит. В свои пятьдесят с хвостиком он снял картин и сериалов больше, чем Феллини и Антониони, вместе взятые. Правда, ни одного из его фильмов журналист не видел и только о двух-трех что-то слышал. По всему выходило, что Вадим Дмитриевич Прокопенко не гений, а плодовитый ремесленник средней руки.

Впрочем, репортера данное обстоятельство скорее устраивало. Гениев у нас в стране хватает. Режиссеры рассказывают по ресторанам о своих будущих фильмах, что затмят ленты Тарковского и Годара. Журналисты в баре Домжура клянутся, что вот-вот запустят новый таблоид с миллионным тиражом. Конструкторы в таежном поселке собирают на коленке гоночные автоболиды... А качественно поменять колодки у серийной «Мазды» – некому. Равно как написать информашку в две тысячи знаков или снять простенький, но кассовый блокбастер...

Режиссер Прокопенко, судя по всему, звезд с неба не хватал – зато в его фильмах охотно снимались самые знаменитые актеры, а сериалы его выпечки транслировали главные российские телеканалы. Скорее всего и этот фильм – и снимут, и покажут.

Да и деньги Полуянову были нужны, особенно в тот момент (они, собственно, ему всегда были нужны – с его-то мажорскими повадками), и он уступил студии, от имени которой на него вышел Прокопенко, права на экранизацию. Пусть не за столь высокий гонорар, который уж наверное отвалили бы ему «Уорнер бразерс» или «Дрим Воркс», – но с родного российского кино хоть шерсти клок... Отчаянно поторговавшись и получив в итоге пятизначную сумму (в долларах, господа, конечно же в долларах!), Дима возблагодарил бога за неожиданный подарок, подписал договор об уступке прав – и благополучно позабыл о кинопроекте.

Минул год – и вдруг на Димином горизонте вновь взмошел Прокопенко. Режиссер позвонил и сообщил, что сценарий по полуяновской книжке давно написан, уже даже закончен подготовительный период, и теперь он приступает к съемкам восьмисерийной ленты «Невозможно оторваться». Больше того: он, Вадим Дмитриевич, приглашает его, Диму, самолично исполнить в сериале небольшую, но весьма эффектную роль, а для того проследовать вместе с киногруппой в Питер. В Северной Пальмире и ее окрестностях планировалось снимать большую часть натуры.

Полуянов оказался столь неожиданным предложением ошарашен. Причем настолько, что чуть ли не впервые в жизни потерял лицо и залепетал, мол, он-де, во-первых, совсем не артист, а во-вторых, завален газетной работой. В ответ режиссер разразился горячим (едва не горячим!) монологом:

– Я только вас вижу в этой роли, Дмитрий Сергеевич! Это будет хит! Лучший дебют года!.. А какие условия для съемок!.. Питер! Белые ночи! Люкс в «Октябрьской»! Кругом – красавицы-артистки и прочий обслуживающий персонал!..

Журналист не смог устоять под прокопенковским напором – и в тот же вечер к нему на дом явился курьер с экземпляром сценария и договором на роль, который требовалось подписать немедленно.

Полуянов взялся читать сценарий – и отдал должное неведомому для него труженику киноцеха по имени Дмитрий Ребров. Экранизатор сохранил главные линии книжки, избавился от второстепенных, а также от случайных персонажей, и перевел документальную полуяновскую прозу на язык диалога и действия. Если сравнивать книгу и сценарий, впечатление складывалось, будто вольную, свободную реку (Неву, например, вытекающую из Ладоги!) заковали в строгие гранитные берега: никаких финтифлюшек, извольте – каждая серия ровно сорок четыре страницы, ровно сорок четыре минуты хронометража, и ни секундой больше...

Понравилась Диме и его собственная роль. Небольшая, естественно (ведь он же непрофессионал), но действительно выигрышная.

Итак, испросив в газете отпуск за свой счет, особенно крепко полюбив на прощание свою гражданскую жену Надежду, Дима, исполненный честолюбивых планов и вдохновения, отбыл в Северную столицу...

* * *

Конечно, когда Полуянов в процессе работы познакомился с Прокопенко ближе, он понял, что тот пригласил журналиста сниматься не потому, что вдруг поверил в его (неизвестно откуда взявшийся) неземной актерский дар. Нет, Вадим Дмитриевич преследовал свои собственные цели, а именно: бурнокипящий режиссер полагал, что Полуянов не удержится и расскажет о своем киноопыте на страницах родной газеты. Да и интервью захочет взять – у режиссера, у главных звезд... Вот фильм и получит бесплатный пиар, причем уже на самой ранней стадии, когда съемки только-только начались.

Дима (хоть хитрый Прокопенко его ни о чем не просил) и впрямь собирался на страницах «Молодежных вестей» живописать свои приключения в роли актера. Рассказать было о чем. К примеру, как в первый день съемок разбили о штатив кинокамеры тарелку с названием картины. Осколки разобрали участники группы, и один из трофеев теперь бережно хранился в полуяновском чемодане (Дима предвкушал, как водрузит его на почетное место в рабочем кабинете и станет водить к экспонату молодых репортерок и стажерок с журфака). Непременно нужно будет также поведать, как он, отказавшись от дублера, прыгал в холодный и грязный канал Грибоедова с Поцелуева моста... Немного стыдно перед Надеждой, но все равно следовало написать, как он целовался (а что поделаешь, таков сценарий!) на лавочке в Летнем саду со знаменитой Ольгой Волочковской...

Кое о чем, правда, журналист собирался в будущей заметке умолчать. Скажем о том, что профессия актера на деле оказалась гораздо сложнее, чем он самонадеянно думал вначале. Дима даже что-то вроде зависти, жгучей ревности испытывал к настоящим, профессиональным артистам. Потому что явственно видел, с какой легкостью и быстротой его, так сказать, коллеги входили в образ и меняли состояние, лишь звучала на площадке команда: «Мотор!»; как в одно мгновение на их глазах, если нужно, вскипали слезы; как они, по воле сценария и режиссера, миг становились гневливыми или же простодушными; как даже физически преображались перед камерой, и если было необходимо, старели или молодели на десяток лет без малейшей помощи гримера... И уж, конечно, не упомянет журналист режиссерские указания главному оператору: «Полуянова снимаем только на общем и дальнем плане, ведь он непрофессионал, работать не умеет» (Прокопенко в тех моментах думал, что Дима не слышит).

Кроме того, за кадром будущей статьи журналист намеревался оставить взаимоотношения, царившие внутри съемочной группы. А там бушевали страсти, едва ли не перекрывающие по накалу те, что описаны были в сценарии. Настоящая мыльная опера! Хватало и любви, и ревности, и зависти, и ненависти... О многих чужих, сокровенных тайнах узнал в ходе экспедиции Дима. О чем-то ему рассказывали сами участники событий (а молодой человек умел быть участливым слушателем, вызывающим на откровенность). Что-то он, наблюдательный, подмечал своими глазами: и днем, во время съемок, и вечерами, утрами, ночами – в ресторанах, где ужинали, в гостинице...

Нравы в группе царили свободные. Киношники чем-то напоминали Диме студентов-третьекурсников, впервые вырвавшихся к кому-то на дачу без надзора родителей: выпивка, проказы, шуры-муры.

Однако о личных секретах («Актриса Волочковская провела ночь с режиссером Прокопенко!») Полуянов писать не собирался – все ж таки он не в бульварной газете трудится, а в

качественных «Молвестях». А главное, было бы крайне неловко, злоупотреби он гостеприимством киношников и начни прилюдно ворошить их грязное белье. К тому же Дима сам, в конце концов, оказался не без греха, поддался царившему среди киношников промискуитету...

Да, еще вчера вечером о постельных тайнах киноэкспедиции Полуянов писать не хотел, но вот сейчас, после того как произошло убийство... когда зарезали главного человека на картине – режиссера-постановщика... Теперь многие сценки и картинки, подмеченные журналистом в процессе натуральных съемок, представляли перед ним в новом ракурсе, требовали анализа и переосмысления... Ведь ему как репортеру будет грош цена, если он ограничится голой информашкой о происшествии и не выскажет собственных, аргументированных версий: кто убил и почему.

* * *

Прокопенко лежал, распростертый, на широченной нижней полке, и его обнаженная грудь была залита кровью. Красным пропитались и крахмальные простыни. По одному виду Вадима Дмитриевича, по его восковому лицу сразу становилось понятно, что медицинская помощь ему уже не нужна.

Дима отвернулся и наткнулся взглядом на проводницу – холеную даму, отчаянно борющуюся со своими пятьюдесятью годами. И лишь теперь, по ее взорам, с практически одинаковой жадностью устремленным и на труп, и на обнаженный торс журналиста, он вспомнил, что так и не успел одеться. Когда в дверь его купе застучала, заорала, заголосила звезда Волочковская, он выбежал, только джинсы успев натянуть.

– Надо остановить поезд, – проговорил журналист, обращаясь к проводнице. – Вызвать врачей, милицию.

Та решительно покачала головой.

– Нет, невозможно, – категорически молвила она. – У нас приказ: не останавливаться, что бы ни случилось.

– Даже убийство? Ведь это форс-мажор. Положено тормознуть на первой же станции и вызвать следственную группу.

– Но не для нас. Вы знаете, кто здесь едет?

– Ну я еду. И другие артисты.

– Не только, – не приняла полушутливого тона проводница. – В других вагонах – двое вице-губернаторов, четверо депутатов Госдумы, трое сенаторов. У нас элитный поезд, понимаете? Остановки запрещены... Я сообщу начальнику поезда – в Москве нас будут встречать следственные органы.

– Тогда надо организовать охрану места преступления.

– Не волнуйтесь. Организуем. У нас есть инструкции для подобных случаев. Покиньте помещение.

За спинами проводницы и Димы стояли, вытягивали шеи, пытались заглянуть в режиссерское купе двое других представителей высшей касты снимающегося фильма: главный оператор Аркадий Старообрядцев и линейный продюсер Елисей Ковтун.

Железнодорожница закрыла дверцу прокопенковского купе. Шоу кончилось.

«Надо пойти одеться, в конце концов», – подумал репортер.

Полуянов осторожно распахнул дверь в собственное, расположенное по соседству, купе. На его огромной нижней мягкой полке спала, уткнувшись в подушки, Марьяна. Вот уж чего он не ожидал еще вчера – так это оказаться с ней в одной постели. Ни от себя не ждал, ни от нее.

На худенькой спине девушки выделялся рыболовным удилищем позвончик. На полу купе валялась одежда – вперемешку ее и Димины.

Н-да... К каким, однако, странным пробуждениям приводит кинопьянка, жестокая и беспощадная...

«Боже, как болит голова! Зачем я только остался еще и шампанское пить? Нехорошо шипучку с коньяком мешать... И Марьяна... Я ведь пару раз к красотке в Питере подъезжал – и никакого отклика... Видать, она решила напоследок, на прощанье... Больше ведь вряд ли мы с ней увидимся. А может, тоже вчера здорово набралась, раз сама ко мне явилась... Теперь девицу вон из пушки не разбудишь – даже убийство проспала... И я-то хорош: не люблю ведь одноразовые связи, но тут не устоял... Нет, чтобы сказать со смехом: знаешь ли, моя дорогая, я безнадежно женат... А меня понесло по накатанному: конечно, заходи, Марьяночка, не помешаешь! О да, заходи! Только тебя и ждал! Тьфу, противно вспомнить... С другой стороны, какой дурак от восемнадцатилетней красотки-актриски откажется? Тем более если тебя к ней, чего уж греха таить, тянет? Что ж, будем надеяться, что Митрофанова ничего о моем приключении не узнает. Да и откуда ей узнать?»

От неловкости – чужая девушка в его кровати – Полуянова аж передернуло.

– Марья! – гаркнул он, прерывая собственные рефлексии. – Подъем! – Наклонился и потряс девушку за обнаженные плечи.

– Ааа... – замычала актриска. – Что такое?

– Давай, вставай!

– Господи, зачем? – пробормотала она, пытаясь вырваться из Диминых рук и еще глубже зарыться в подушки.

– Прокопенко убили.

– Что за шутки у тебя, Полуянов, дурацкие... – простонала девушка.

– Это не шутки, – холодно проговорил журналист. – Повторяю по слогам: Про-ко-пен-ко у-бит. Лежит в луже крови в своем собственном купе.

Тут Марьяна, наконец, пробудилась: резко подскочила на полке, прикрывая невеликую грудь простыней.

– Правда убили? Как – убили?

– Как-как... Ножом зарезали. Все, быстро одевайся.

Сам Дима принялся натягивать рубашку.

«Господи, ну что же так голова-то болит?!»

* * *

А ведь еще вчера вечером на Московском вокзале Питера среди избранных киношников царило радостное оживление. Было чему радоваться. Белые ночи благоприятствовали съемкам. Солнце исправно светило с пяти утра до двенадцати ночи. Ни разу не побрызгал дождь. И несмотря на то, что каждый день случались десятки разнообразных неурядиц, грозящих сорвать съемочный процесс, режиссер-постановщик разруливал их железной рукой. В итоге ни на день не выбились из графика. Питерскую натуру отсняли в запланированные сроки.

Теперь, после кратковременного отдыха в столице, группа должна была отправиться снимать натуру на юг, но вторая экспедиция планировалась короткой, всего на несколько съемочных дней. В нее уже не ехали ни юная старлетка Марьяна, ни народная артистка Царева, ни Дима Полуянов (для журналиста кино закончилось), ни даже исполнитель главной мужской роли Кряжин.

В суперкомфортном вагоне «Северного экспресса» вместе с Вадимом Дмитриевичем Прокопенко следовало семь человек. Каждому – по отдельному купе, и только главный оператор Старообрядцев делил жизненное пространство с линейным продюсером Елисеем Ковтуном. Ради интереса Дима глянул в Интернете, сколько стоит билет в подобный мягкий вагон класса люкс – с туалетом и душем в каждом купе, с телевизором, ди-ви-ди-плеером и неогра-

ническим ресторанным питанием. Выходило: по двенадцать тысяч рубчиков с носа. «Барство дикое! – вздохнул про себя Полуянов. – Теперь понятно, почему у нас сериалы такими беденькими кажутся: все бюджеты на поездки первым классом уходят».

Впрочем, сами киношники свои привилегии принимали как должное и в вагон люкс входили со скептической даже ухмылкой. Уж на что журналистика – профессия выпендренная (Полуянов знал о сем далеко не понаслышке), однако даже газетчикам оказалось в смысле понтов далеко до тружеников синемаатографа. Те вообще держали себя царями Вселенной! Журналист еще на площадке подметил: любой самый задрипанный осветитель выступал с такой миной, словно он только что «Золотую пальмовую ветвь» получил или, на худой конец, завтра-послезавтра получит. А уж главный режиссер вообще мнил себя громокипящим Зевесом, по малейшему мановению пальца коего окружающие должны простираться ниц.

В желтых красках питерского заката Прокопенко с тем же барственным видом – и, разумеется, первым! – взошел вчера вечером в вагон. Вторым сунулся было седой главный оператор Старообрядцев, но режиссер на него молча оскалился, и старик мигом потерял лицо, мелькнув засуетился... А ведь ему по штату положено быть на картине фигурой номер два, непосредственно рядом с постановщиком. Еще с советских времен в кино считалось, что эти двое, режиссер и главный оператор, – суть высшая каста. Они даже обедали, по традиции, во время съемок за отдельным, от прочих товарищей, столиком – чтобы иметь возможность в тишине и тайне обсудить съемочный процесс. И хоть отношения между Прокопенко и Старообрядцевым явно не складывались, что Дима видел невооруженным глазом, кардинально ломать традицию режиссер все-таки не стал. И потому пожаловал оператору место в своем вагоне.

Однако со Старообрядцевым он не разговаривал – нос воротил. В последние дни экспедиции режиссер рядом с оператором даже за обедом не присаживался. А когда просматривали отснятый материал (Дима тому был свидетель), Прокопенко фыркал по поводу того, что у оператора актеры из кадра выпадают, и всякие язвительные реплики отпускал, мол, старик даже фокус навести не умеет.

Старообрядцев, в свою очередь, в компании своих клеветов (операторов, трусливо не решающихся ни словечка вслух вякнуть против режиссера) позволял себе громко возмущаться: «Бондарчука, значит, то, как я фокус навожу, удовлетворяло! Ромма с Козинцевым – тоже! А нашего штукаря не устраивает!»

Словом, в киногруппе полагали, что одному из них двоих, Прокопенко либо Старообрядцеву, на фильме больше не работать. И даже заключали пари ставки на первого или второго. Веселый «звуковик» Федор Михайлович принимал пари из расчета три к одному в пользу Прокопенко. «За» режиссера была изначальная наделенность куда большими полномочиями, чем у оператора, а также общая удачливость. Старообрядцев в борьбе против режиссера мог противопоставить лишь полувековой опыт работы и огромные связи в киношных кругах.

Однако он, надо думать, хорошо понимал: если его снимут по требованию Прокопенко с картины – операторской карьере придет конец. Больше никуда, никогда и ничего снимать не позовут. А для мужика за семьдесят остаться без работы, да еще столь творческой, как у Старообрядцева, означало загнивание, начало конца и, как неумолимо свидетельствовала статистика, довольно скорую кончину...

... И вот теперь, в третьем часу ночи в вагоне люкс, главный оператор даже не скрывал своего довольства смертью режиссера. (В том, что он и попытки не сделал напустить на себя скорбный вид, видимо, уже сказывался, по мнению Полуянова, его почтенный возраст и начинающаяся синильность.) Удовлетворенно усмехаясь в седые усы, Старообрядцев прошествовал по коридору ночного вагона, потирая руки и бормоча: «Что ж, пожалуй, следует и водочки выпить, за помин души...»

Дима, уже полностью одетый, выглянул в коридор, чтобы расчистить путь юной актрисе, и как раз слышал эту реплику Старообрядцева.

Коридор опустел. Проводница замкнула дверь, за которой лежал труп, на ключ и отправилась к себе. Линейный продюсер Ковтун тоже куда-то исчез. Вроде бы дорога для Марьяны оказалась свободной, и Дима готов был дать отмашку: вылезай, мол, и беги – но тут из своего купе выскочила звезда Ольга Волочковская. По-прежнему в красном махровом халате, с ошалевшими, огромными глазами, она буквально набросилась на журналиста – подошла к нему вплотную и зашептала прекрасно поставленным голосом:

– Дима... Дмитрий Сергеевич... Вы – единственный трезвый, единственный не заинтересованный здесь человек! Я вас умоляю! Кругом завистники, бездари! Помогите мне! Они ведь на меня убийство свалят, на меня!

– Почему на вас? – как мог спокойно, спросил Полуянов.

И актриса тем же драматическим шепотом, откликнулась:

– Я ведь с *ним* в купе-то была! На кого ж еще подумают, как не на меня? А я ведь в ванне была! Вот видите – волосы еще мокрые. Мне обязательно надо было душ принять, я ведь сегодня вечером Арбенину у Фокина играю, а днем репетиция!

Чтобы прекратить эмоциональное словоизвержение Волочковской и расчистить, наконец, дорогу для эвакуации Марьяны, Полуянов совершенно буднично молвил:

– А пойдете, Оленька, с вами покурим...

– Покурим? – вскинулась та. – Да, да, идете!

Журналист бережно взял девушку под руку, и они удалились вместе с нею в дальний конец вагона. Краем глаза Полуянов заметил, что Марьяна выскочила из его купе и перебежала к себе.

В тамбуре оказалось прохладно. В белесоватых красках уже наступающего рассвета пронесли за окном печальные пейзажи Новгородчины.

Дима достал из кармана джинсов помятую пачку сигарет, протянул даме. Волочковская дрожащими руками выудила одну. Она запрыгала в ее руках. Полуянов поднес огня. Девушка жадно затянулась, закашлялась. Сделала еще парочку глубоких затяжек, лихорадочно забормотала:

– Мне никто не поверит, Дима, никто! Они все подстроили, все против меня!

– Кто, по-вашему, подстроил?

– Они! Бездари! Ненавистники! Завистники! Кино такое было, не помню названия, там тоже дело в поезде происходило, и выяснилось, что главного героя убил каждый из пассажиров...

– «Убийство в Восточном экспрессе» по Агате Кристи, – сказал любивший точность журналист.

– Да какая разница! – досадливо воскликнула звезда.

Ольга, как и многие актрисы, искрение полагала: единственное, что на всем свете имеет значение, – она сама, ее чувства и переживания. Полуянов, памятуя об этом, вернул Волочковскую на привычную и любимую ею почву вопросом.

– Что все-таки произошло?

– Они не просто Вадим Дмитрича убили, – лихорадочно молвила она, нервно затягиваясь и округляя глаза, – они меня... понимаете, Дима, меня... решили подставить!

– Каким же образом? – поинтересовался журналист.

– Раз я с ним была тогда! В его купе! На кого подумают?!

– А вы что-нибудь слышали?

– Я же в душ пошла, в душ! Вода шумела... Выхожу – а Вадим Дмитрич мертвый! И на постели – кровь, кровь... Я прошу вас, Дима, сделайте что-нибудь! Они ведь здесь, в поезде, в вагоне нашем, я знаю. И не я это, не я, не я...

Актриса была близка к истерике, и чтобы привести ее в чувство, журналист схватил девушку за плечи и резко встряхнул. Раз, другой. В ошалелых глазах Волочковской появилось удивление.

– Тихо! – прикрикнул на нее Полуянов (как, бывало, на таксу Родиона прикрикивал). – Все будет хорошо! Я во всем разберусь!

Когда он тряс актрису, почувствовал: в кармане ее купального халата лежит что-то тяжелое. Дима выпустил Ольгу, отступил на шаг.

– Что там у вас?

Волочковская засунула руку в карман купального халата – и тут же глаза ее приобрели прежнее безумное выражение, и она опять проговорила, на грани срыва:

– Это не я! Это не мой!

Потом медленно, с ужасом на лице, вытащила... окровавленный нож.

А Диме при явлении ножа отчего-то на миг показалось, что для него исполняется творческий этюд на тему «Оклеветанная».

* * *

То, что актриса, исполняющая главную роль, спит с режиссером-постановщиком, являлось для киношников настолько привычным обстоятельством, что в съемочной группе и не обсуждалось. Тем паче что связь Прокопенко и Волочковской не имела дажепряного привкуса адюльтера. Артистка недавно рассталась со своим вторым мужем; а режиссер был убежденным холостяком (хоть молва и приписывала ему романы с самыми эффектными женщинами России, узами Гименея он до сих пор ни разу себя не обременял). Актриса и режиссер живут на съемках вместе – это так естественно!

И лишь один человек явно бесился по поводу романа Волочковской и Прокопенко. То был актер Николай (он предпочитал, чтобы его называли Никола) Кряжин.

Он играл главную мужскую роль – персонажа, называвшегося в сценарии «журналист Дима», то есть alter ego³ самого Полуянова. Поэтому репортер приглядывался к нему особенно внимательно и ревниво. И сделал вывод: по внешним данным – как бы ни было сие неприятно – он, прототип, увы, уступал исполнителю. Никола, ростом под два метра, с широкими плечами и мощными скулами, воплощал тот брутальный тип приклатненной мужской красоты, что стала нынче особенно востребованной в российском кино. Что же касается интеллектуальных статей, то даже для актерской братии (которая в большинстве своем отнюдь не блистает интеллектом) Никола был не слишком развит.

Дима пару раз вызывал его на разговор, сделал с ним интервью и для себя определил, что Кряжин – человек совершенно без чувства юмора (качество, по мнению Полуянова, для мужчины необходимейшее), к тому же не слишком образованный и скучный до занудливости. Обыкновенно истории, что он рассказывал, сводились к двум темам: с кем, сколько и чего он выпил, а также с кем и при каких обстоятельствах переспал. Притом, словно не доверяя самому себе и своей популярности, актер непременно включал в свои побасенки успешных коллег: «Сидим мы как-то с Серегой (или с Костей, с Сашкой, то есть с Безруковым, Хабенским или Балугевым), – тут Олеся (Судзиловская) подходит...» От однообразных рассказов Николы скулы журналиста очень быстро начинало сводить зевотой.

Но однажды, разговорив Кряжина, журналист понял, что человек он все-таки своеобразный, с интересной, по меньшей мере, биографией...

Надо заметить, что Кряжин среди членов киногруппы был, неоспоримо, самым популярным. Однажды Дима прошелся с ним по Невскому – в поисках пивбара, который заменил

³ Второе «я» (лат.).

бы для них модные в советские времена «Очки», – и обратил внимание на то, что его спутника узнает едва ли ни каждый третий мужчина и каждая вторая женщина. А Никола, стервец, вдобавок тщательно отслеживал реакцию встречных, трепетно вглядывался: признали? не признали? – и при каждом случае узнавания дополнительно раздувался от гордости. К концу прогулки (подходящего пивбара они так и не нашли) Полуянову показалось, что актер вот-вот лопнет от довольства.

То же самое и с автографами. По количеству росчерков, оставляемых Николой, он далеко превосходил всех участников труппы (включая даже приму Волочковскую). К артисту то и дело подсакивали юные барышни, девушки в соку или даже перезрелые матроны и просили расписаться. Самые верные и запасливые вооружались скачанными из Сети фото и даже афишами с изображением Кряжина. Для тех же, кто не был подготовлен к встрече с кумиром, актер оставлял свой росчерк, где только придется: в блокнотах, ежедневниках, на трамвайных билетах и даже (журналист сам видел) на голых животиках и декольте юных дев.

Если подобное поклонение вызывало ревность даже у случайного в кино человека – Полуянова, можно представить, как оно бесило натуральных актеров и актерок, не исключая звездной Волочковской. К Ольге – пожалуй, более востребованной, чем ее партнер, – подходили с просьбами дать автограф куда реже. У журналиста появилось тому объяснение: совершенная женская красота актрисы зачастую вызывала в зрительницах раздражение и ревность. А мужчины при виде звезды просто немели. К тому же хорошо известно, что среди поклонников («сыров», «группис»...) преобладают, причем с подавляющим преимуществом, девицы юных лет. Их, что вполне естественно, мужская стать Кряжина притягивала сильнее, чем очаровательная хрупкость актрисы.

Разумеется, Никола вовсю пользовался обожанием женского пола. Пару раз Полуянов видел его в коридорах гостиницы в тесной компании с разными девушками. Кряжин к своим «сырам» относился цинично и встречи с ними называл не иначе, как «похоть почесать». Он, словно представитель королевского рода, рассматривал поклонниц, как его величество – простолудинок. Связи с ними ничего для него не значили. Иное дело – роман с актрисой, то есть тоже с аристократкой, ровней ему. Тут Кряжин готов был потрудиться: быть победительным, и уступчивым, и милым, и страдающим...

В первый же день съемок, когда били о штатив традиционную тарелку, Дима заметил: меж исполнителями главных ролей черная кошка пробежала. Вне кадра они не смотрят друг на друга, не разговаривают, после того как прозвучит команда «Стоп! Снято!», стараются как можно скорее разойтись подальше. В чем дело, Полуянову пояснила гримерша, знавшая, как и положено гримершам, все, что происходит на площадке и вокруг нее: совсем недавно у Кряжина был роман с Волочковской. Они жили вместе, в одной квартире. Более того, парочка и на нынешних съемках рассчитывала (во всяком случае, Никола рассчитывал) продлить свой роман во впечатляющих декорациях белых ночей. Однако еще в подготовительный период, во время проб, Волочковская стала встречаться с режиссером картины Прокопенко и немедленно дала Кряжину от ворот поворот. Актер из-за неожиданной измены пассии – да еще и происшедшей каждодневно у него на глазах! – страшно бесился и страдал.

Пару раз крепко поддавший Никола пытался выяснить отношения со своей «экс». В один прекрасный день – точнее, в белую ночь – Полуянов лично оказался свидетелем их бурной ссоры.

Номер журналиста в гостинице «Октябрьская» помещался неподалеку от актрисулиного «люкса»; а окна по случаю теплой погоды репортер, не выносивший кондиционеров, держал открытыми. И вот однажды Диму разбудил натуральный мужской рев. Он стряхнул с себя остатки сна и сел в кровати. Глянул на свои никогда не снимаемые часы: четверть пятого – и солнце уже пробивается сквозь щелку гардин.

Мужской голос оказался басом Кряжина. По его тональности было очевидно, что актер пьян.

– Пр-р-роститутка! Шлюха! – орал Никола. – Твар-р-рь пр-р-родажная! Сменяла любовь на банку супа чечевичного!

– Пошел вон, кретин! – визжала в ответ Волочковская. – Я тебе ничего не должна! Алкоголик! Подонок!

Потом донесся шум борьбы. И снова голос актрисы – теперь она говорила тихо и убежденно:

– Только попробуй! Только ударь! Ты у меня и с картины вылетишь, и из театра! Я тебе устрою, обещаю!

Последовал бессильный стук, будто что-то выпало из разжавшихся рук на пол, и дальше послышался голос Кряжина, уже на октаву тише:

– Карьеру делаешь, стерва кудрявая? Думаешь, теперь сволочь похотливая будет тебя во всех своих кино снимать? Так вот, знай: этому не бывать. Уж я позабочусь.

– Ты? – насмешливо проговорила Волочковская. – Да ты о самом себе-то не можешь позаботиться!

– Вот увидишь, – тихо, но убежденно отвечал актер, и голос его в тот момент даже не показался Полуянову пьяным. – Вы все увидите...

Тогда, прямо ночью, непосредственно после услышанного разговора, журналист записал перепалку звезд в блокнот по горячим следам, слово в слово. Нет, не для того, чтобы публиковать: журналистская этика есть журналистская этика, Дима никогда не опустится до того, чтобы печатать подслушанное, подсмотренное. Записал просто по привычке: а вдруг когда-нибудь понадобится.

* * *

Сейчас, в холодном тамбуре «Северного экспресса», Дима вспомнил ту ночную ссору в «Октябрьской». «Надо достать блокнот да перечитать, что я там про них накалякал», – подумал он.

А актриса, рассматривая, словно видит впервые, испачканный кровью нож, с усталым ужасом бормотала:

– Это он... он мне подложил... Теперь я точно знаю: он, Николай, и Вадюшу убил, и меня – меня! – подставляет...

– Ты должна мне все рассказать, – внушительно молвил Полуянов, переходя на «ты». – Буквально все, и очень подробно о том, что случилось в вашем купе сегодня ночью.

– Я поняла! – вдруг вскрикнула Волочковская. – Поняла, зачем у меня появился нож! На нем ведь теперь мои отпечатки пальцев, да? Мерзавец, он специально так сделал! О, прошу, Дима, помоги мне! Мне ведь никто не поверит! Никакая милиция! Умоляю: помоги мне выпутаться!

– Для этого *ты* должна поведать мне все, – терпеливо повторил журналист.

– Я увидела его... его тело... Бросилась, к нему, обняла, стала кричать: «Вадюша, Вадюша!..» Он не откликнулся. Я вся кровью перепачкалась. И пульса не было. Я вскочила, закричала. К двери бросилась. Дергаю – а она не открывается. Опять рвусь – а ее как заклинило, только щелочка. Дергаю, дергаю...

На глазах у Волочковской показались слезы. Полуянов прикурнул еще одну сигарету и сунул ей в рот.

– Да, спасибо, – машинально поблагодарила актриса. Нервно затянулась, продолжила: – В общем, я не сразу сообразила, что я в вагоне, что дверь в сторону открывается. Потом открыла ее и в коридор бросилась, всех будить!..

Волочковскую начала бить дрожь – то ли от происшедшего, то ли от прохлады ночного тамбура.

«Допрос по горячим следам, – промелькнуло у Димы. – И впрямь, как было бы хорошо, если бы я сам это убийство сумел раскрыть. Какие газета даст заголовки! Например: «Репортер вычисляет убийцу!» Такого ни в моей карьере, ни в истории отечественной журналистики точно еще не было!»

– Ольга, – мягко поинтересовался Полуянов, – а когда ты в ванную комнату уходила, дверь в купе была изнутри заперта?

Вопрос довольно долго доходил до девушки, а потом она наконец прошептала:

– Н-не знаю... Я ее не закрывала... Может, Вадюша? Но как... если она была закрыта, то тогда... – глаза Ольги округлились, – как же тогда убийца в купе вошел? – Она повысила голос, в нем прозвучали одновременно и обида, и угроза, и призыв к жалости (все-таки Волочковская была хорошей актрисой): – Ты меня не подлавливай! Зачем ты меня подлавливаешь, Дима!?

– Спокойно, Оленька, спокойно. Совершенно я тебя не ловлю.

В тамбур застучали – с той стороны, где вагонная сцепка. «Мягкий люкс» шел первым номером, сразу за локомотивом (все равно трясло почему-то нещадно). Дверь в другие вагоны была перекрыта. Так распорядился сразу после посадки Прокопенко. Проводница, которой главный режиссер почти мгновенно сумел внушить священный ужас, немедленно выполнила его указание, и даже лично пришла к Вадиму Дмитриевичу, доложила об исполнении. И так, тамбурные двери, похоже, всю ночь были закрыты – и сейчас в них кто-то стучал: уверенно так стучал, по-хозяйски.

Дима глянул через стекло: двое мужиков в форме. Пригляделся – милиционеры. Открыл – на него шагнули двое чинов. Один – лейтенант, другой – сержант, кажется. Лейтенант совсем юный, белобрысый, с пушком вместо усов. От обоих слегка несет перегарчиком, воротнички расстегнуты. Волочковская боязливо дернулась, повернулась вся лицом к окну, спиной к ментам, чуть не вжалась бурно дышащей грудью в стекло.

– У вас здесь убийство? – мутно дыша, спросил Диму сержант.

– Третье купе. Проходите, пожалуйста, – с изысканной вежливостью отвечал Полуянов: с родной милицией, особенно малого звания, – только так.

– А вы кто будете? – обшаривая Диму глазами, бесцеремонно молвил мальчишка лейтенантик.

Развязность его почему-то журналиста взорвала – обычно он дольше держался, когда его провоцировали, но наполовину бессонная ночь, лежащее на полке мертвое тело Прокопенко, истерики актрисули – все это, как оказалось, измочалило его нервы. С еле сдерживаемой злобой, ледяным тоном, глядя менту прямо в переносье, он проговорил:

– Я буду – и есть! – специальным корреспондентом газеты «Молодежные вести» Дмитрием Сергеевичем Полуяновым. И я как раз о милиции часто пишу, поэтому генерал-лейтенант Васильев с Житной (он в кадрах служит) меня очень даже хорошо знает.

Насчет того, что о милиции часто пишет, конечно, Полуянов туфту гнал, а вот генерал Васильев из центрального аппарата МВД – очень даже реальная фигура, весомая, грубая, зримая, и к журналисту он, генерал (по непонятным причинам), даже благоволил.

– Еще вопросы имеются? – почти нахально добавил репортер.

Второй мент чуть заметно тронул первого за плечо: пошли, не связывайся. Первый – не такой уж простачок – однако, заметил на прощание, с очевидной ноткой угрозы в голосе:

– Будут у нас к вам вопросы, товарищ журналист, обязательно будут.

Усмехнулся, развернулся – и парочка потопала дальше внутрь «вагона повышенной комфортности». Но Дима-то не только амбиции свои тешил, гордыне потакал, сколько прикрывал от взора правоохранителей Ольгу – с орудием убийства в кармане ее халата. Теперь он

погладил девушку по плечу. Оно заметно тряслось. Волочковская плакала, прижавшись лбом к мутному окну.

– Ну-ну, хватит... – приобнял актрису журналист. – Они уже ушли.

Девушка развернулась к нему с перекошенным от слез и ужаса лицом и сквозь всхлипы проговорила:

– Они меня будут допрашивать, да?

– Нас всех будут допрашивать, – с легкомысленной улыбкой заметил Полуянов. – Но, думаю, совсем не эти хлопцы. И не сейчас.

– Да? – просияла Ольга.

Глава вторая

Дима уговорил Волочковскую вернуться в купе. Снять испачканный халат, прилечь и ни с кем не разговаривать. Лучше принять валерьянки или снотворного. И нож окровавленный убедил ему отдать. Пока поезд в пути, рядовые мильтоны, явившиеся в вагон, обыскивать кинематографистов вряд ли станут. Журналист и сам в том был почти уверен, и, главное, актрису убедил. А в своем купе Полуянов засунет орудие убийства в полиэтиленовый пакет и припрячет в собственной сумке среди вещей.

На приму произвело впечатление, сколь независимо держался репортер в разговоре с ментами.

Она, в силу профессии, явно питала слабость к громким словам и эффектным жестам, ценила внешний блеск поз и фраз.

«Поэтому, вероятно, – мимолетно подумал Полуянов, – она и в людях частенько ошибается».

На Волочковскую, вдобавок, подействовало внушение, произнесенное журналистом наиувереннейшим тоном:

– Ни с кем, в особенности с милиционерами, сейчас не разговаривай. Помни, что любое слово теперь может быть обращено против тебя. – Тут актриса прерывисто и жалобно вздохнула. – На все вопросы отвечай: «Говорить буду только в присутствии своего адвоката». Ты меня хорошо поняла?

Волочковская испуганно и благодарно закивала.

«Ей нужно, чтобы ею кто-то постоянно руководил, – понял Полуянов. – Актрисуля, видать, свои отношения с мужчинами выстраивает по шаблону: она, типа, – маленькая девочка, очаровательная и капризная (однако временами непослушная), которой все вокруг восхищаются. А рядом с нею – как бы отец, мудрый, любящий, но строгий, которому дитя обычно повинует, но иногда и взбрыкивает, хулиганит, за что бывает наказано... По такой схеме она и с режиссером жила. А теперь – его тело не успело даже остыть – выбрала на роль наперсника меня. Будем надеяться, что ненадолго. Да и в отцы я ей не гожусь. Перспективка нянчиться с великовозрастной девочкой-звездой как-то не увлекает. Хотя и дает перспективный искус: явиться бы с нею на газетную корпоративку – то-то все ахнут...»

Проводив приму до ее купе, Полуянов уединился наконец в своем.

Насколько он понимал логику ментов, те сейчас совершат покупейный обход, проверят документы и перепишут данные всех, кто следует в Москву в вагоне люкс. Ну, может, зададут по два-три вопроса, надеясь дуриком раскрыть преступление по горячим следам. Обыски и настоящие допросы они оставят более сановным и опытным коллегам из Москвы. Поэтому, пока правоохранители не явились, надо навести в купе порядок после ночного бардака и уж не уходить никуда, дожидаться товарищей в форме.

Журналист раздернул голубенькие занавесочки и поднял мощную штору. Открылся неверный северный предрассветный пейзаж. Поезд несся среди полей и перелесков. Из низин поднимался туман.

Не резкий, однако все равно показавшийся безжалостным свет сразу сделал неудобным казенное убранство купе. Небольшое пространство, на три четверти занятое мягкой полкой, хранило явные следы бурно проведенной ноченьки. Дима в очередной раз подивился (даже некоторую гордость испытал!), сколь быстро ему удастся обживать временные пристанища, привнося в нейтральные интерьеры нечто свое, в основном, творческий, скажем мягко, беспорядок.

На столе расположилась пустая бутылка из-под шампанского, три стакана (странно, почему три?), один из них со следами помады. Кроме того, шоколадка, практически не трону-

тая, однако вскрытая и аккуратно поломанная на кусочки: знак его гостеприимства в отношении ночной гостьи. Плюс пластиковая тарелка с мясной нарезкой, украшенной петрушкой, и засыхающая булочка. Он прихватил припасы вчера с вечеринки – запасец себе на утро, чтобы спокойно позавтракать в одиночестве. И еще расхристанная газета – перед тем как заснуть он просматривал ее минуты три, а затем выключил свет и провалился в сон...

Постелька попахивала чужими духами и молодым потом, подушки смяты – весь вид не оставлял вариантов в трактовке того, что здесь происходило. Странно, но Полуянов почти не помнил, *что было*. То есть *что-то* у него с Марьяной да было, он не сомневался. А вот *что?* И *как?* Понравилось ли ему? А ей? О чем они говорили? Ничего в памяти не осталось – только нарастающее чувство стыда и раскаяния.

Марьяну он, конечно, в Питере сразу заметил. Актриса, юная длинноногая красотка. Возможно, будущая звезда. Она тоже Диму выделила, бросала в его сторону вроде бы призывные взгляды. Однако, увы, с первого же разговора стало ясно: вряд ли у них что-то случится. Девушка и красива, и умна, и остра на язык, но – слишком уж самонадеянна. Да и провинциальный налет еще не выветрился. Подобных красоток можно завоевать, лишь бросив в бой все наличные силы и средства. И только разорившись на бриллиантах и ресторанах, иссушив мозги комплиментами, можно ожидать *отдачи*. Однако швырять к ногам старлетки свою жизнь Полуянов явно готов не был. Мимолетный роман – одно, а иссушающая страсть – совсем иное. В конце концов, Диму ведь Надя в столице ждала, и он не переставал ее любить. Но все равно: какая юная краса, сколь мощный секс-эпил!

И, конечно, он не смог удержаться, когда сегодня ночью Марьяна разбудила его сначала стуком в дверь, а затем мягким поглаживанием по щеке и пьяненьким шепотом: «Ди-имка-а... А давай с тобой шампанского выпьем?..» И вот тут уж журналист, с еще не выветрившимся хмелем вечеринки, управляемый со сна не тем, что находится у него выше плеч, а, напротив, тем, что расположено ниже пояса, распустил все свои возможные перья... Он и правила игры соблюл, и противоречивую женскую натуру не спугнул. Получаса не прошло, как уложил девушку в койку... Он теперь и гордился слегка своей победой (хороша победа, шептал внутренний голос, еще неизвестно, кто из вас кого в ту койку затащил!), и, возражая ему, радовался: девушка не кого-нибудь, а его выбрала, значит, в любом случае есть что записать себе в актив. Но куда круче оказались раскаяние и стыд – перед Надей в основном. «Но я Надюшке, конечно, ничего не расскажу. А того, что партнеру не известно, можно считать, и не было вовсе. Все равно я ведь Надьку люблю и возвращаюсь – к ней. А это главное».

Однако утешение получалось слабым, сожаление и стыдоба не отпускали. А может, то просто изжога была после шампанского? Или вульгарное похмелье мучило?

Полуянов по-быстрому навел в купе порядок. Жаль, окна наглухо закупорены, проветрить нельзя, чтобы вырвались наружу запахи духов, вина и блуда. Бутылку из-под шампанского сунул в мусорное ведро, стаканы помыл в своей ванной, старательно уничтожая следы помады. Снял рубашку и осмотрел себя в зеркале: слава богу, на теле никаких засосов или укусов.

Пока был в ванной комнате, прислушивался. Насколько он разобрался в планировке вагона повышенной комфортности, его «удобства» соседствовали с ванной комнатой режиссера. А непосредственно за нею, стало быть, располагалось купе убитого. Перегородки здесь вряд ли звуконепроницаемые. Значит, если б не занимался любовью, а потом не спал мертвецким сном, запросто мог бы услышать из отсека Прокопенко шум, предсмертный крик, отголосок борьбы... Хотя Волочковская утверждает, что и из прокопенковской ванной ничего не слышала. Если не врет, конечно. В любом случае, он был занят собой (и Марьянкой) и, разумеется, ничего не чувствовал...

Правда, когда засыпал – еще в первый раз, в одиночестве, – до него (как журналисту казалось теперь) вроде бы доносился шум воды: не иначе как из купе режиссера... Но Волочковская уверяет, что мылась не тогда, а аккуратно во время убийства... Убили же Прокопенко

явно позже, чем Дима улегся в первый раз... За первым коротким сном последовало пробуждение от визита Марьяны, кад্রেж с нею, распитие шампанского, секс, новый сон, на сей раз глубочайший... В сумме минуло никак не меньше полутора часов. Хм, неувязочка получается. Быть не может, чтобы любовница режиссера мылась полтора часа. Хотя... Может, она, как положено среди добропорядочных пар, один раз принимала душ *до*, а другой – *после*? Сию интимную подробность журналист у Волочковской не выяснял... Или, может, звук текущей воды доносился – поди разбери эти новые вагоны – из какого-то другого купе...

Дима застелил – столь аккуратно, сколь только мог – свою постель и повалился на покрывало прямо в одежде. Пока менты не заявили, самое время не сгоряча поразмыслить об убийстве. Даст бог, у него вскоре получится побеседовать, хотя бы накоротке, с каждым из пассажиров вагона. Посему надо заранее определить, кого о чем спрашивать.

И тут журналиста электрической дугой пронзила идея – он аж дернулся, сел на подушках. Протянул привычно руку за блокнотом, хотя прекрасно понимал, что даже если не запишет мысль, все равно не забудет, никуда она от него не денется. Потому что пришедший в голову вопрос была прост и прозаичен, как паровоз: *почему убийце понадобилось покончить с режиссером именно здесь, в поезде?*

Ведь с точки зрения преступника, вагон – крайне неудобное место, чтобы убивать. Хотя бы тем неудобное, что сразу же очерчивает четкий круг подозреваемых. Внутри его оказываются лишь те, кто следуют в вагоне люксе. А их по пальцам можно перечислить. Если бы Прокопенко прикончили днем раньше, в Северной столице, или днем позже, в Первопрестольной, расследованию пришлось бы отрабатывать кучу дополнительных версий, и бытовых, и профессиональных. Уже в силу этого гораздо больше вероятность того, что следователи и оперативники ошибутся и преступник выйдет сухим из воды...

Значит, что получается? Версию, по которой убийца – маньяк, возбуждающийся от стука вагонных колес или, допустим, от мерного звяканья ложечки в стакане, Дима сразу отбросил как бредовую. Подобное только для иронических детективов годится. А если мыслить всерьез? И предположить: убийца находится среди пассажиров? Тогда почему он раньше, в Питере, выжидал, а теперь зачем-то вдруг заспешил? Решил, что Прокопенко не должен доехать до Москвы? Почему?

И тут перед репортером во всей наготе открылась истина: *убийца в последние дни в Питере (или, может, только здесь, в поезде) узнал нечто такое, что заставило его пойти на преступление немедленно.*

Полуянов даже вскочил на ноги и сделал несколько шагов в тесноте купе. Захотелось пройтись, захотелось курить, и кофе тоже захотелось – однако Диме не улыбалась перспектива встречаться в коридоре ни с ментами, ни с кем-то из киногруппы. Сейчас ему требовалось одиночество. Потому что сразу вслед за одним озарением накатило другое, первому немного противоречащее: а вдруг решение покончить с Прокопенко пришло к убийце спонтанно: под влиянием минутной обиды, помрачения или гнева?

Да, идеи хорошие, но, чтобы двигаться дальше, чего-нибудь тонизирующего, например кофе, явно не хватает. Но коли выбиратья наружу не улыбалось, журналист достал из бара (здесь в купе даже барчик-холодильник имелся!) бутылочку колы. К газировке в качестве стимулятора Полуянов прибегал крайне редко, но за неимением кофе годилась и она. Все-таки в американской отраве имеются, причем в большом количестве, и кофеин, и глюкоза, а пузырьки помогут веществам быстрее всосаться в кровь, те подхлестнут усталый мозг, заставят шарикиролики крутиться интенсивней. В три глотка опорожнив бутылку, журналист сразу почувствовал себя свежее.

И тут дверь его купе без стука распахнулась.

На пороге стоял мент, старший по званию.

– Документики попрошу, – молвил, слегка бычась и сверля пассажира взглядом, лейтенант.

– Да вы присаживайтесь, – лучезарно проговорил Полуянов, приподнимаясь с полки.

В своем купе он чувствовал себя как дома, словно играл на собственном поле. Журналист указал милиционеру жесткий пуфик, втиснутый между ванной комнатой и столиком. Мент, включив «пацанскую походку», сделал три шага, уселся.

А журналист, по-прежнему оставаясь архилюбезным, в свою очередь поинтересовался:

– Могу я узнать вашу фамилию-имя-отчество? Я ведь статью собираюсь писать о данном происшествии.

Полуянов нарочито пытался беседовать с милиционером на его языке, хотя «данное происшествие», особенно в устной речи, звучало ужасающим канцеляритом. Конечно, надеяться на сотрудничество с железнодорожным лейтенантом глупо – да и не нужно! – но лишь бы не мешал. . . Отсюда и «генерал с Житной» в речах репортера возник, и требование представиться: мол, перед тобой тут не обычный свидетель, не лох-терпила, на коего всех собак повесить можно, а человек, который, в свою очередь, имеет рычаги, чтобы милиционеру из линейного отдела небо с овчинку продемонстрировать.

Дима тщательно записал в блокнот имя-фамилию (Денис Евграфов) и место службы, которое лейтенант без охоты, но назвал.

– А теперь ваш паспорт попрошу, – молвил служитель закона.

– Легко!

Полуянов залез в карман своей летней куртки из парусной ткани, мирно висевшей на плечиках у входа в купе, и неожиданно для себя нащупал там нечто чужеродное, не свое. И буквально в последний момент успел поймать готовое сорваться с языка изумление восклицание.

Документ оказался на месте – однако, кроме паспорта, во внутреннем кармане лежало кое-что еще: мягкое, тканевое, свернутое в комок. Он не стал доставать неожиданную находку при милиционере, но, кажется, догадался об ее природе.

Не давая менту паспорт в руки, Дима позволил ему переписать свои данные, включая место регистрации. В ходе чистописания милиционер вдруг резко спросил у слегка расслабившегося журналиста:

– Где вы находились в момент убийства?

Репортер вздрогнул и приказал себе собраться.

– А в *каком часу* было совершено убийство, товарищ лейтенант? – вкрадчиво переспросил он.

Милицейская «покупка» не прошла, что лейтеху отнюдь не смутило. Не отвечая на вопрос, он задал новый:

– Что вы делали с момента, как сели в поезд? – и вперился Диме в переносицу тяжелым взглядом.

– Здесь съемочная группа едет, как вы, наверное, уже знаете, – стараясь сохранять небрежный вид, молвил журналист. – По моей книге фильм снимают. . .

Выражение хмурого скепсиса на милицейском лице было ему ответом, и Дима продолжил:

– Поезд отправился по расписанию, в двадцать три часа тридцать три минуты. Где-то в полночь мы, вся группа, то есть те, кто ехал в этом вагоне, уселись за импровизированный стол в купе Елисея Ковтуна, линейного продюсера фильма. Немного выпили, закусили. . . Приблизительно без четверти час я пошел спать.

– Кто оставался к тому моменту за столом?

– Точно не помню, но режиссер Прокопенко и Ольга Волочковская уже ушли.

На самом деле Дима хорошо помнил, кто в тот момент еще сидел в купе – продюсер Ковтун, герой-любовник Кряжин, оператор Старообрядцев и актриса Царева. И, совершенно точно, там находилась Марьяна – не запомнить было бы невозможно, потому что в последние два-три дня она вдруг начала оказывать журналисту знаки внимания. Вот и вчера уселась с ним рядом, и смеялась его шуткам, и пару раз поглаживала по руке, и прижималась под столом бедром. Словом, использовала весь арсенал женских соблазняющих уловок, накопленный к собственному восемнадцатилетию. А когда журналист отправился на боковую, начала канючить: «Ну, Димочка... Ну не уходи... С тобой так весело!» – вызывая ревнивые взгляды со стороны Кряжина, который, похоже, имел собственные виды на то, как провести последнюю ночь в северной экспедиции...

А разрешила коллизию Марьяна вскоре самолично, явившись в купе журналиста с шампанским и парой стаканов. Кстати, во сколько сей сладостный визит начался? Дима тогда не посмотрел на часы, но ощущение было, что до визита поспать ему удалось от силы десять минут.

– После того, как вы покинули место распития спиртных напитков, вы в собственное купе пошли? – отрывисто спросил милиционер.

– Конечно.

– Кто может это подтвердить?

– Понятия не имею.

– Значит, вы пришли сюда. А дальше?

– Практически сразу уснул.

– Один?

Взгляд милиционера настойчиво буравил Полуянова, и журналист впервые почувствовал себя с ним неуютно. Может, от того, что приходилось лгать.

– Да, один.

– Вы уверены?

«Черт! Может, Марьянка уже раскололась, что мы с ней вместе спали? Брякнула по глупости или чтобы ее менты не подозревали... А я тут о ее женской чести пекусь, джентльмен хренов! Но не менять же показания на ходу...»

– Да, я был один, – повторил, отметив про себя, что голос прозвучал, кажется, не совсем твердо.

– Ваше купе рядом с режиссерским. Что-нибудь слышали?

– Например, что?

– Вам виднее. Шум борьбы? Ссору? Голоса?

– Нет, ничего.

– Спокойно спали, и вас ничто не тревожило?

– Именно.

– А когда проснулись?

– Когда Волочковская тут в коридоре истерику устроила и стала в двери стучать.

– У вас с Волочковской неприязненные отношения?

– Отчего же? Самые что ни на есть приятели.

– То есть близкие?

– Я этого не говорил. Мы с ней в хороших, ровных отношениях. Без интима.

– А с убитым вы в каких отношениях состояли?

– В товарищеских.

– И вы его не убивали?

– Нет, не убивал.

– И из своего купе после часу ночи не выходили?

– Нет, не выходил.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Почему же вас видели в коридоре незадолго до убийства?

Хоть и явное вранье, а все равно изнутри обдало жаром.

– Кто вам такое сказал?

– Отвечайте на вопрос, – ухмыльнулся мент.

Он явно был не так прост, как представилось Полуянову на первый взгляд. «Я нарушил неписаную журналистскую заповедь: никогда не следует недооценивать оппонента – вот и получил». И Дима ответил, насколько мог спокойно и жестко:

– Если это не, что называется, *ментовская разводка*, и вам кто-то *действительно* сказал, что видел меня ночью в коридоре, я бы посоветовал вам к данному человеку присмотреться внимательнее. Если меня кто-то хочет подставить – значит, у него имеется на то причина. Ведь верно? Может, тот, кто под меня копает, и Прокопенко убил?

– Спасибо за совет, – хмыкнул лейтенант, – уж как-нибудь разберемся.

– Да не вы разберетесь, не вы! – не удержавшись от комментария, воскликнул Полуянов. – В Москве люди, чином поболее, будут разбираться!

На откровенно хамский выпад журналиста мент только усмехнулся.

– Отдыхайте пока, – бросил он, встал и покосолапил к выходу из купе.

«Все-таки вывел из себя, мент поганый! – зло подумал Дима. – Воистину, ничего хорошего от нашей милиции никогда ждать не стоит, одну только пакость!»

Зверски захотелось курить. Однако, прежде чем отправиться в тамбур, следовало сделать еще кое-что. Журналист сунул свой паспорт назад во внутренний карман белой брезентухи и вытащил то, что нащупал десять минут назад. То были, как он и предполагал, женские трусики. Стринги – не дорогие и не дешевые, хлопчатобумажные, вызывающего бордового цвета. Их появление в кармане можно было объяснить лишь одним. «Ну Марьяна! – злясь, воскликнул про себя журналист. – Ну шутница! Ведь если б не мент, и я бы в карман за паспортом точно не полез. Вернулся б, олух царя небесного, домой, а там их Надя нашла б... Бордовые стринги, каково! Ну, девка-подставщица! А я еще о ее репутации забочусь! Надо ей вернуть забытую вещицу – причем прилюдно. Интересно, что на сей финт Прокопенко, явно к девчухе неровно дышащий, скажет?»

И тут Дима вспомнил, что Прокопенко-то больше уже ничего не скажет. Никогда не скажет. Режиссера убили, и журналист более не услышит ни его властного голоса, ни его шуточек, ни бесконечных забавных историй о кинопроизводстве. И не поспорит с ним, не подколлет... И как-то очень грустно ему стало – как всегда бывает, когда сблизился, почти сдружился с человеком во время отпуска или командировки, и вот приходится с ним расставаться... Только с режиссером они разлучились навсегда, без малейшей надежды на новую встречу.

Что ж, отомстить убийце за хорошего или, по крайней мере, за совсем неординарного человека – дополнительная мотивация для Диминого доморощенного расследования...

* * *

В тамбуре, в одиночестве, за сигареткой, журналист постарался выкинуть из головы и грусть по поводу Прокопенко, и дешевый прикол Марьяны, и ментовские разводки. Сосредоточился на убийстве.

«Перед тем как мент в купе вперся, была у меня какая-то светлая мысль... Кажется, по поводу того, почему убийство произошло именно в поезде... Я решил, что преступник вчера что-то такое увидел – услышал – узнал... Нечто, что заставило его срочно, почти спонтанно покончить с Прокопенко. Хорошая идея, правильная! Итак, вспомним: что же с нами было вчера?»

Коротким флешбэком (поистине, с киношниками пообщаешься – поневоле начинаешь думать и говорить, как они) перед мысленным взором журналиста пронеслись картинки...

Вот они входят в вагон – солнце недавно село, но светло, как днем, и не скажешь, что половина двенадцатого ночи... Проводница пассажирам элитного вагона улыбается, как родным. И Волочковскую, и Кряжина, и Цареву явно узнает в лицо. Примечает и приветует. Остальные попутчики ей, похоже, не ведомы. Однако она на всякий случай посылает кокетливые улыбки и режиссеру, и линейному продюсеру, и журналисту... Проводнице под пятьдесят – а может, даже за пятьдесят. Елисей и Дима здороваются с железнодорожницей в ладной форме, подтянутой, как старый боевой конь, совершенно индифферентно, а вот Прокопенко – тот не упускает возможности распушить перед ней перья. «Мы – съемочная группа... Я известный режиссер... Вы наверняка смотрели...» – доносится до Димы.

А потом? Практически сразу, едва поезд тронулся, все купе обошел Елисей. С одной и той же информацией:

– Билеты, для бухгалтерии, попрошу сдать мне сейчас же, чтоб завтра утром не забыли... А в двенадцать я вас всех жду в своем купе на небольшой летучий банкет по случаю успешного окончания экспедиции...

Держался Ковтун, как обычно – в меру развязно, в меру угодливо. Ничем особо озабочен, казалось, не был...

Сошлись к столу вовремя: Прокопенко (несмотря на то, что приглашения передавал Ковтун, конечно, именно он был инициатором сабантуйчика) терпеть не мог, когда опаздывают. Девушки – и Марьяна, и Волочковская – успели даже переодеться. На Диму нацеливаясь, или на кого бог пошлет, старлетка щеголяла глубоким декольте. А любовница режиссера была в одеянии, открывающем длинные, стройные ноги. Лишь Царева (как и мужчины, впрочем) не сменила облачение. Мужики, разумеется, из лени. Пожилая актриса, вероятно, просто устала.

Восемь человек набились в купе. А столик уж был накрыт, и когда только Елисей все успевает... Сам линейный продюсер Ковтун притулился на стульчике, на полку-диван усадили старика-оператора Старообрядцева, Диму и трех разновозрастных дамочек. Актер Кряжин, склонный к экстравагантности, залез на верхнюю полку (юмор такой) и там принимал передаваемые ему обществом стаканы и пищу. Подвижный, живой, быстрый, как ртуть, режиссер Прокопенко садиться куда-либо категорически отказался, хоть ему любой готов был место уступить. Ну, тому если что в голову втемяшится (в группе уже знали), на своем настоит, хоть кол на голове теши. Профессиональная деформация режиссеров: каждый – маленький диктатор. И на съемках, и вообще.

Коньяк «Хеннесси», всегда появлявшийся стараниями Ковтуна, когда затевался между собой с участием режиссера, разлили по железнодорожным стаканам. Вадим Дмитриевич принялся говорить тост – никто и не подумал бы начать есть и пить без его команды, вот ведь вышколил народ!

Что он там, бишь, вчера сказал? Полуянов не сомневался, что если надо будет, он произведет спич режиссера с точностью до слова. Но в том-то и дело, что ничего, могущего пролить свет на вскоре последовавшее убийство, будущая жертва не изрекла. Или – почти не изрекла. Обычное вроде бы начальственное «бла-бла-бла» – благодарность с легким оттенком угрозы: «Спасибо, почти все поработали неплохо... Но это только начало... Снята от силы четверть картины... Надо не щадить живота своего, бросить на алтарь наших муз – кино и телевидения – все силы... И никому не будет позволено проехаться на былых заслугах, отсидеться в кустах, прячась за свои регалии». Вот тут внимание, Дима! В тот момент режиссер бросил выразительный взгляд в сторону старика-оператора, а Старообрядцев (Полуянов специально поглядел и заметил) сидел у своего окошка, насупив брови, в закрытой позе – со скрещенными на груди руками, и губы его искривила саркастичная полуулыбка. Прокопенко же продолжил

речь, превратившуюся уже в род наезда, хотя и не всем понятного: «И мы никому не позволим обдeldывать, прикрываясь высоким авторитетом нашей киногруппы, свои темные делишки...»

Ковтун плотно сжал тогда губы, и даже желваки заиграли на его щеках. Он ни на кого не глядел, вроде уставился в окно, за которым северный длинный день начинал помаленьку превращаться в ночь. И режиссер на него никакого внимания будто не обращал, но многие подумали: камешек полетел в огород линейного продюсера. А кто еще мог тут обдeldывать темные делишки?

Линейные продюсеры (как пояснили Полуянову досужие кинематографисты еще в Питере) подворовывали всегда – профессия такая. Только раньше, при советской власти, линейный продюсер звался «директором картины» и в карман свой греб обычно с гораздо большей осторожностью, чем нынче. И над ним висело значительно более крутое наказание, если поймают. И проверяльщиков имелось больше. Как следствие: в социалистические времена трудилась целая плеяда довольно честных директоров, если и химичивших, то лишь на пользу родной студии, режиссеру и картине, на которой они работали.

А нынче (как рассказали журналисту – может, и с преувеличением) воровали все линейные продюсеры без исключения. Разница между ними существовала лишь в масштабах хапка и в определенных нюансах. К примеру, кое-кто мог зарваться и списать как исходящий реквизит «Мерседес», якобы взорванный на съемках (на деле лимузин оказывался цел, продюсер перепродавал его и ни с кем барышом не делился). Можно было поступить аналогично, но со старой «копейкой», к тому же поделиться доходом с режиссером, либо пустить его на кино-съемочные нужды (ящик того же «Хеннеси» закупить, к примеру).

На взгляд Полуянова (да и киношников), Ковтун не борзел. Однако ночной тост Прокопенко совершенно недвусмысленно намекал: Елисей зарвался. А финальная кода режиссера вообще прозвучала в духе Иосифа Виссарионовича, ее Полуянов запомнил дословно:

– И с теми людьми, что не отдают работе все, что могут, экономят, непонятно зачем, свои силы, мы будем беспощадно расставаться. Столь же решительно или даже суровее мы разберемся с теми, кто творит противозаконные гешефты за нашей спиной. Мы подобных выходов не потерпим!

На сих словах режиссер опрокинул в себя стакан коньяку. В купе повисло гробовое молчание, а Прокопенко, ничуть, казалось, не заботясь о впечатлении, которое произвел его тост, проговорил, адресуясь к любовнице (он всех окружающих, в особенности актеров, независимо от возраста и титулов, прилюдно называл только по имени-отчеству):

– Ольга Васильевна, минут через двадцать зайдите, попрошу вас, в мое купе.

А затем удалился.

Слегка ошеломленное молчание по-прежнему длилось. И тут гранд-дама Царева своим звучным, хорошо поставленным, «мхатовским» голосом разрядила обстановку:

– Вот, называется, спокойной ночи пожелал.

Собравшиеся, не исключая униженных Старообрядцева и Ковтуна, рассмеялись...

Итак, думал Дима теперь, стоя в тамбуре вагона люкс (а за запыленным стеклом уже краснел, готовясь к очередному восходу, горизонт), насколько серьезными были угрозы Прокопенко в адрес главного оператора и линейного продюсера? Насколько сильно испугались тот и другой? Мог ли кто-то из них (или, в экзотическом варианте, они вместе) убить режиссера?

Обе эти версии – убийца либо Ковтун, либо Старообрядцев – для Полуянова казались первоочередными. Теперь требовалось поговорить с кем-то, кто поможет ему, человеку в кино постороннему, прояснить ситуацию. И подобная кандидатура у Димы была: народная артистка России Царева. Она всегда, все и про всех знала. К тому же любила своим знанием поделиться. Плюс – как часто бывает со стареющими дамами, прожившими бурную жизнь, благоволила к молодым и пригожим мужчинам. К счастью, репортер как раз к таковым и относился.

* * *

Несмотря на каждодневную борьбу, которую Эльмира Мироновна вела с собственным возрастом, в такие моменты, как сейчас, становилось особенно заметно, что она уже ох как не молода. Без косметики, да после бессонной ночи, да вся в переживаниях – нет, сейчас она выглядела не на сорок девять, на которые претендовала, а на все свои законные шестьдесят три. И хоть шторы в купе народной артистки оказались наглухо задернуты и горел один лишь ночник, а уселась Эльмира так, чтобы контровой свет бил в глаза журналисту и высвечивал только ее силуэт, – годы спрятать все-таки не удалось. Они выдавали себя то вдруг попадающей на свет кистью руки – с тонкой пергаментной кожей, уже чуть тронутой старческой «гречкой»... Они просвечивали в веночке хоть и ухоженных, но безжизненных и ломких волос...

Полуянов знал Эльмиру с детства, после культовой экранизации «Учителя танцев» был даже слегка влюблен в нее. Но сейчас вид женщины, безнадежно постаревшей и уже не способной вызвать в тебе более пылкого чувства, кроме восхищения талантом, вызывал горечь.

– Я вам не говорил, Эльмира Мироновна, – начал Полуянов во здравие, – потому что просто постеснялся к вам подойти и потревожить, но вы на съемках были великолепны.

Журналист не кривил душой. Эпизоды, в которых снималась Царева, и впрямь впечатлили журналиста. Небольшая роль (у Марьяны и то больше), а какая работа над собой! Вот что значит старая школа! И если многие нынешние артисты, даже звезды, роли свои особо и не учили, полагались на импровизацию на площадке, на суфлера и последующую озвучку, великая Эльмира прибыла на съемочную площадку со своими листочками сценария, которые были все исчерканы: где поднять голос, где понизить, в каком месте с какой интонацией произносить фразы, как отыгрывать реплики партнеров. И еще она попросила для начала порепетировать. А когда Прокопенко страшно вежливо, с шуточками-прибауточками, но все же ей отказал, звезда советского кино скромненько уселась в уголке и взялась снова непрерывно, раз за разом перечитывать свою роль, проговаривая ее про себя и делая на листке сценария все новые пометки.

Зато когда прозвучала команда «Мотор!», Эльмира преобразилась. Без специального грима и костюма она в мгновение ока превратилась из мудрой актрисы из старомосковской аристократической семьи, каковой являлась, в простую продавщицу – растрепанную, неумную, базарную. И отыграла свою сцену с блеском. Да и своих партнеров, Волочковскую с Кряжиным, невольно подтянула: у тех хоть глаза зажглись, они в кои-то веки на площадке заиграли в полную силу. Казалось, даже стали получать от своей игры удовольствие. А когда режиссер бросил: «Стоп! Снято!» – раздались аплодисменты. Хлопали технические работники, осветители, операторы, массовка и даже не занятые в эпизоде коллеги. Дима аплодисменты на площадке слышал впервые. Как впервые не стали даже снимать (хотя бы на всякий случай!) второй дубль. А Прокопенко публично расцеловал пожилую актрису и прилюдно изрек:

– Вот, господа, у кого вы все должны учиться! И мастерству, и отношению к профессии!

...Судя по всему, у Царевой не имелось ни малейших причин убивать режиссера, и потому с ней Полуянов чувствовал себя совершенно свободно. Когда он высказал витиеватый, однако искренний комплимент ее актерскому мастерству, глаза у старушки зажглись и она своим звонким голосом пророкотала:

– Благодарю вас, молодой человек! Однако, – продолжила лукаво, – я никогда не поверю, что вы явились ко мне в четыре часа ночи для того, чтобы выказать восхищение моей игрой. Будь я лет на —дцать моложе, я бы не сомневалась в истинной причине вашего прихода. Но вряд ли геронтофил...

Дима смущенно улыбнулся: типа, увы, нет.

– А жалко... – артистка мило и кокетливо улыбнулась: мол, в каждой шутке есть доля правды. И напрямик спросила: – Так с чем пожаловали вы ко мне, уважаемый автор?

И Дима тоже без обиняков брякнул:

– Хочу поговорить с вами об убийстве Прокопенко.

Глаза актрисы стали влажными.

– Ах, Вадюша... – надтреснутым голосом проговорила она. – Подобной смерти он никак не заслужил...

– Вот я и хочу во всем разобраться, – поддакнул репортер.

– Но зачем вам это, Дима?

С Царевой журналист решил не лукавить – никто не чувствует чужой наигрыш и чужую фальшь острее, чем актеры.

– Понимаете, Эльмира Мироновна, – промолвил он с чувством, – я начинал учиться профессии еще в советские времена. И мне на журфаке вдолбили, что настоящий профессионал должен уметь в своих материалах отвечать не только на вопросы «что?», «где?» и «когда?», но и на самый главный: «почему?».

– Вам не дают покоя, – прозорливо заметила народная артистка, – лавры того выдуманного журналиста... как его бишь звали... Ах да, Флетч! Его романы в свое время печатал журнал «Смена»...

– Я тоже люблю Флетча, – согласился Дима, – но никогда не собирался с ним тягаться. Просто стараюсь делать свою работу.

– Ну что ж, спрашивайте – раз пришли ко мне только за этим.

Полуянов вздохнул и опять начал с «заезда» – лишний комплимент в разговоре с женщиной, особенно третьего возраста, никогда не помешает.

– У вас, Эльмира Мироновна, острый ум и наблюдательные глаза...

– И уже никуда не годное тело, – подала реплику «в сторону» актриса. – Впрочем, не обращайтесь внимания, продолжайте...

– Может быть, вы вчера увидели что-то важное, странное, необычное? Может, услышали какую-то ссору? Или просто разговор?

– А почему вы меня не спрашиваете о том, где я находилась в момент убийства?

– Потому что вас об этом уже спросил милиционер.

– А вам лично – не интересно?

– Нет, отчего же, любопытно...

– Так вот: я спала в своем купе. К сожалению, – самоироничная улыбка тронула уста Царевой, – совсем одна. Я приняла полтаблетки снотворного – увы, с некоторых пор мне плохо спится в поездах – и как провалилась. Ничего не видела, ничего не слышала. Поэтому из меня никудышный свидетель.

– Я вот все думаю, почему убийство произошло именно в поезде? – решил Полуянов играть совсем уж открытыми картами. – Почему преступник не мог подождать до Москвы? Отчего он так спешил?

Следующая реплика актрисы прозвучала для журналиста совсем уж громом среди ясного неба.

– Может быть, – лукавая улыбка тронула губы женщины, – убийство произошло именно здесь потому, что преступник и жертва встретились друг с другом только в вагоне?

– Что вы имеете в виду? – пробормотал Полуянов.

– А вы не слишком наблюдательны, молодой человек. При том, что находились совсем рядом.

– Не понял...

– Мы же вместе садились в поезд на Московском вокзале.

– Да, и что?

– Вспоминайте, вспоминайте!

Журналист наморщил лоб. Они входят в вагон... Проводница проверяет билеты... Она, похоже, узнает в лицо артистов: великана Кряжина, красотку Волочковскую, величественную Цареву... Улыбается им и даже, кажется, расцеловывается с народной артисткой... А Прокопенко, похоже, задет тем, что его не узнали. Да, воистину, у режиссеров имеется еще одна профессиональная деформация: они относятся к актерам с высокомерной обидой. Как же! Режиссеры-то считают себя самыми главными в кино (и, похоже, правы) – однако вся слава достается пустоголовым артистам. И вот Прокопенко на перроне начинает метать бисер перед проводницей: мол, едут с вами не простые пассажиры, а киношники, я режиссер такой-то... Но железнодорожница, кажется, особо не реагирует на его рулады...

– Ну, – наморщил лоб журналист, – я помню: вы, Эльмира Мироновна, когда входили в вагон, тепло поздоровались с проводницей. И даже, по-моему, чмокнули ее... Вы что, на нашу стюардессу намекаете? Но Вадим Дмитриевич... Я помню: он даже рассказывал проводнице, кто он такой... Явно с нею незнаком...

– Вы уверены?

«Уверен ли я? Да нет, я же не следил за ней неотрывно... Или, может, тетенька просто очень хорошо владеет собой?»

– Нет, ни в чем не уверен. Но он-то ее ведь не узнал, это точно.

– Молодой человек! У мужчин известно какая память. О присутствующих не говорю... А вот она его, думаю, прекрасно помнит. Только виду не подала. Тем более раз он сам ее не признал.

– Откуда вы знаете?!

– Мы, актеры, прежде столько времени проводили в «Красной стреле», столько ночей! Играешь в спектакле в Москве – а еще у тебя съемки в Ленинграде. Или наоборот, театр поехал на гастроль на берега Невы, а у тебя озвучка на «Мосфильме». Мы мотались между двумя столицами постоянно! Как в анекдоте: одна нога здесь, другая – там... Ну, разумеется, ездили в «СВ», и все проводницы нас знали. И мы их, конечно, помнили по именам, подарочки даже делали: Валюше, Тамаре, Наташе... Так вот эта Наташа была тогда среди них самая молоденькая и хорошенькая. Тоненькая, как тростиночка, глазищи голубые... Я сразу ее узнала!

– Наша сегодняшняя проводница? – уточнил репортер. – Ездила с вами?

– Ну конечно!

– И что: в былые времена ее знал и Прокопенко?

– Разумеется! Более, чем знал!

– «Более»? Вы имеете в виду интимные отношения?

– Ну, знаете ли, свечку я над ними не держала, но Вадим в те времена такой резвунчик был, такой ходок! Я ни секунды не сомневаюсь, что он на нее, проводницу молоденькую, запал. Как наверняка запал бы на нее Олежек Даль, Андрюша Миронов, вечная им память, или братья Михалковы, не к ночи будут помянуты...

– Значит, вы уверены: раньше Прокопенко был как минимум хорошо знаком с проводницей?

– Как вы сейчас, молодые, говорите? Стопудово? Да, стопудово! А в наши времена говорили «железно». Так вот: я железно, стопудово уверена, что они – знакомы. Но если вы спросите меня, было ли между ними что-нибудь более интимное, нежели ночные беседы в купе, утверждать ни в коем случае не возьмусь. И сама не видела, и разговоров никаких про них не слышала.

– Интере-есно... – протянул журналист.

– Да вы спросите ее сами! А будет отпираться, приглашайте меня. Как это в уголовном розыске называется: очная ставка, да? Если она в восьмидесятые на «Стреле» работала (а она

работала!), а Вадюша новопреставленный трудился в те годы на ниве кинематографа (а он трудился!), они просто не могли не быть знакомы!

Рассказ Царевой наново вдохновил репортера. Проводница... Какая богатая версия! Она ведь мало того что была рядом – у нее еще имеется служебный ключ от всех купе, которым можно отворить даже запертую дверь... К тому же железнодорожница с убитым – примерно ровесники. И – тут Царева права – в молодости оба они были дьявольски хороши собой... А Прокопенко – уже и богат, и известен. Да, между ними вполне мог иметь место роман... А теперь она его встретила, вспомнила поруганную (допустим) любовь и зарезала... Да он еще и не признал ее – совсем обидно...

Конечно, версия выглядит скорее как из мексиканского «мыла», но сбрасывать ее со счетов ни в коем случае нельзя. А он, Полуянов, – тоже мне сыщик! – даже фамилии проводницы не знает... Надо обязательно ликвидировать прокол...

– Ну, неожиданная встреча через тридцать лет, скорей, на сериал смахивает, – озвучил свои мысли журналист. – Или на социальный сайт в Интернете. Ладно, допустим, они были знакомы... Или даже любили... А убивать-то зачем?

– Вы спросили – я ответила, – пожала плечами народная артистка.

– А из пассажиров вагона – кто мог, по-вашему, Прокопенко убить?

– Никто, – быстро ответила Царева.

– Так уж и никто?

– Ну, не артисты, – поправилась Эльмира Мироновна. – И не Старообрядцев.

– Почему нет?

– А за что? Прокопенко нам работу дает. И хлеб, и славу. За что ж мы его будем ножичком-то пырять?

– А Кряжин? Он ведь ревновал к Прокопенко по-страшному. Убить его грозился, я сам слышал.

– Мыкола-то? – саркастически промолвила старая актриса. – Ну, знаете ли, он, наверно, убить-то мог... Но – в открытой ссоре, после литра выпитого, когда слово за слово. А спланировать преступление, подготовить... Для этого голова требуется, а у нас, актеров, сильная сторона – эмоции, но не ум.

– По вам так не скажешь, – ввернул комплиментик Полуянов.

– Спасибо, конечно. Но раз я, вы считаете, умна, значит, я и убила?

– М-м, думаю, нет.

– Правильно.

– Вы сказали: убил НЕ актер. Тогда кто? Ковтун?

– Может быть. Мутный он какой-то, не правда ли?

– Пожалуй.

– А может, вы, Димочка, старичка порешили? – вдруг с милой улыбкой молвила старая актриса.

– Я?! Но зачем?!

– Так ведь все видели, что вы к Марьяне не ровно дышите. А она к вам холодна. Но у девушки явно шуры-муры с Прокопенко. Главные режиссеры – они такие: всех кур в курятнике подминают.

– Но не вас, – откровенно хамски брякнул журналист. Ему очень не понравилось, что его, пусть и в шутку, заподозрили в убийстве.

– О да! – расхохоталась Царева. – Я для покойного и впрямь старовата. Он ведь чем старше становился, тем моложе цыпочек выбирал. Зато... – Актриса осеклась.

– Зато – что? – уцепился за обмолвку Дима.

– Ах, ничего... вспомнилось...

– Значит, у вас с Прокопенко раньше тоже...

– Ах, оставьте!

«Может, – промелькнуло у журналиста, – та история, что она мне про проводницу пыталась впарить, на самом деле между ней самой и режиссером случилась, а? Встреча – воспоминание о страсти – ревность – смертельный удар? Эдакий перенос своих чувств на другого?»

– Не будем об этом, – мило улыбнулась Эльмира Мироновна. – Не сейчас. Я устала и хочу прилечь.

– Я могу еще раз поговорить с вами?

– Позже. Я сама зайду к вам.

Дима встал. Актриса царственно протянула ему руку. Он обозначил поцелуй в сухую жилистую кисть, а затем стремительно вышел из купе.

В лицо ему немедленно ударил багровый свет только что вставшего солнца – и ослепил. Журналист зажмурился.

Если бы он видел сейчас лицо Царевой, ему, возможно, многое стало бы ясно.

Во всяком случае, в тот момент, когда Полуянов выходил в коридор, лицо актрисы выражало удовлетворение: так выглядит человек, которому весьма ловко удалось провести другого.

Глава третья

Флешбэк-1. Наташа

Я была красавицей и сама это знала.

Я жила в коммуналке на улице Восстания и мечтала о принце.

Все мои подружки уж повыскакивали замуж – в те времена женились рано. У девчонок оказались хорошие партии, перспективные. У одной – аспирант на кафедре марксизма-ленинизма в Герценовском. Через пару лет, надеялись, он защитит диссертацию. У второй муж *плавал*. Пока, правда, четвертым помощником, и ходил он из Мурманска *направо*, то есть по Севморпути, в Певек и Дудинку. Но подружка надеялась, да и он сам уверял, что скоро пойдет *налево*. Тогда у моряков это слово означало не только гулять на стороне, но ходить в заграничье. А загранка означала шмотки на продажу и боны для «Альбатроса»...

Вы помните, что такое боны и «Альбатрос»? А, вы их застали в детстве? Значит, вы не так молоды, как кажетесь на первый взгляд...

Подружки мои, правда, со своими перспективными обе обломались. Но это гораздо позже случилось. Марксист – тот как по случаю победы над ГКЧП запил, так с тех пор больше не просыхал, она выгнала его... А четвертый помощник в итоге даже до второго не дослужился, а *налево* стал ходить, только по бабам. Он еще раньше доцента алкогольный марафон начал, и, самое обидное, подруга моя стала ему подпивать... Они, говорят, квартиру в Питере продали, потом и в Мурманске продали, теперь где-то в Лодейном Поле ютятся... А что вы хотите? Петербург – алкогольная столица России, климат у нас здесь такой, что пока не выпьешь, человеком себя не почувствуешь, одна хмурость... Ну, за Северную Пальмиру...

Что вы еще хотите про меня услышать? Про меня и Прокопенко? Понятно, уже пронюхали... Только стоит ли ворошить? Ладно, мне не жалко...

Мне двадцать три года тогда было, но время стояло другое, и меня уже чуть не в старые девы записывали. Ухажеры у меня, конечно, имелись. Даже много. Замуж звали, и не раз. Но я не хотела всего лишь *перспективного*. Не хотела выходить за лейтенанта, чтобы потом мотаться по гарнизонам и лепить из него генерала. Я хотела сразу заполучить генерала. А лучше – маршала.

Но генералы, а пуще того маршалы не ходят пешком по Лиговке и по Марата. Не прогуливаются по Летнему саду. Я, может, потому и проводницей работать пошла, да очень много сил и хитрости применила, чтобы на «Красную стрелу» попасть, да еще в СВ. Какие хитрости? Еще раз повторяю: я была красавицей и знала, зачем живу. Ясно?

Конечно, когда началась моя жизнь на колесах, то, сами понимаете, от разных вельможных командировочных у меня отбоя не было. И чего они мне только не предлагали, особенно приняв коньячка... Даже жениться звали. Но чаще напрямую заявляли: давай, я тебя перевезу в Москву, сниму квартиру, устрой на такую работу, что не бей лежачего, будешь жить на всем готовом, а я к тебе стану в гости ходить и дорогие подарки делать... Как сыр, говорили, в масле кататься будешь... Короче, женатые ответственные товарищи меня напрямик в свои наложницы и содержанки звали.

На одного я даже чуть не клюнула. Уж до чего красивый был, молодой да певучий! В ЦК комсомола работал, на визитной карточке его стояло: заместитель заведующего отделом. По тем временам большая шишка. А главное, интересно с ним было и весело. И неженатым он оказался (девушки всегда такое чувствуют). Но замуж он меня не звал. Все мне говорили – и мама, и подружки: ты что, дура? Ты девочка из коммуналки, а у него уже кооперативная

квартира есть, и машина «Москвич», и папаня его, свекор твой будущий, из загранок не вылезает. Устрой от него залет, он ведь в таком месте работает – женится, как миленький... Но, во-первых, не факт, что и по беременности женится. А во-вторых, не хотела я, пока молодая, детей. Не хотела – ни от кого. Я, конечно, с ним встречалась, но решила: побуду с ним, поживу гражданским браком маленько. Может, и без ребенка предложение сделает.

Но не дождалась. Он вдруг в Ленинград ездить перестал и звонить мне бросил, а сам на звонки не отвечал. А я тоже по нему сохнуть не стала, убиваться там, переживать. Наоборот, обрадовалась. Облегчение испытала. Ну и правильно, значит, сказала себе, поступила... Потом я, года через два, услышала про него: женился... Ну, разумеется, на москвичке, перспективной, из МГИМО, с правильными родителями... А потом, когда перестройка началась, про того комсомольца, моего мужа несостоявшегося, много говорить стали. Он заделался новым русским, богатеем. Или, как сейчас их начали называть, олигархом... Тогда я, честно скажу, впервые пожалела, даже за локоток себя куснула, что пробросалась... Вот только в девяносто третьем «комсомольца» моего убили, вместе с женой – изрешетили пулями весь его «Мерседес», когда он, между прочим, из Ниццы в Венецию ехал, потому без охраны и был. Я, когда об этом узнала, поревела, конечно, немножко, оплакала его, а потом поняла: Бог мне помог, не зря меня от него увел.

А вот когда я Вадика первый раз увидела... Сердце сразу екнуло, остановилось, и я поняла: это – он. И он тоже моментально на меня запал. Но жениться с ходу не обещал, врать не буду. Мы всю ночь в его купе проговорили. Просто поговорили, я ему ничего тогда не позволила... Он мне таким интересным показался! Рассказывал всякие яркие истории, анекдоты, байки, даже стихи читал и в любви объяснялся. На прощание свою визитную карточку подарил: «Вадим Прокопенко, режиссер-постановщик, «Мосфильм». И пообещал, что меня в своем новом фильме снимет, в главной роли. Насчет кино я, конечно, ему не поверила, однако телефон свой, коммуналки на Восстания, оставила.

А через три дня, только я сменилась, спать легла, приходит мне официальная телеграмма из Москвы, с «Мосфильма»: «Просим вас срочно прибыть на киностудию на пробы в художественном фильме «Цветы полевые». Вам забронирован номер в гостинице «Украина», командировочные расходы будут оплачены». Я сначала не поверила, решила, что розыгрыш, или Вадик мне таким образом просто свидание назначает. Но через пятнадцать минут мне с работы звонят, аж из парткома. Сам секретарь телефонирует и разговаривает со мной вежливо-вежливо... Оказывается, в партком аналогичная телеграмма пришла, с того же «Мосфильма»: «Просим отпустить такую-то для пробных съемок в кинокартине»... Тут я, конечно, Вадика позвонила, а он хохочет: «Я же говорил, что на главную роль тебя возьму, звездой сделаю... Выезжай прямо сегодня, «Авророй», я тебя встречу»... Вот тогда я ему поверила насчет кино – с парткомом ведь кто тогда мог шутки шутить?! Быстро собралась и поехала.

А в Москве он все сделал так, чтобы я почувствовала себя принцессой. Или восходящей кинозвездой. Вадик меня сам у вагона встретил, с огромным букетом, повез на своей машине в гостиницу, а там номер роскошный, с видом на Москва-реку и на Новый Арбат. А он торопит: «Приведи быстренько себя в порядок, я тебя подожду, и едем ужинать». Повез меня в ресторан Дома кино, и мы там сидели только вдвоем за лучшим столиком, а к нему официанты так разлюбезно относились... Да что там официанты! К его столику настоящие киноартисты подходили, которых я только на экране видела и думать не думала, гадать не гадала, что повезет их живьем повстречать. Они уважительно здоровались, руку Вадика жали: и Вячеслав Тихонов, и Александр Калягин, и Сергей Юрский... А он меня всем представлял: Наташа из Ленинграда, будущая звезда, я ее сниму в своей новой картине... И артисты мне комплименты говорили, ручки целовали... Было от чего голову потерять!

Я и потеряла. В тот же вечер Вадик отвез меня к себе домой. Он неподалеку жил, на Малой Грузинской, и его квартира и вправду была холостяцкой, женщиной там и не пахло... А

наутро мы поехали с ним вместе на его машине на «Мосфильм», и там несколько комнат было с табличками на дверях: «Цветы полевые», режиссер Вадим Прокопенко». Куча людей суеги-лась – уже не знаменитые, но все, как один, очень важные. И он меня им представлял: Наташа, актриса из Ленинграда, будущая знаменитость. На меня многие, особенно женщины, настолько злобные взгляды кидали, что я до сих пор удивляюсь, как они меня на месте не испепелили... Но я все равно была словно в сладком сне или тумане... Вадим свои дела делал, тысячи звонков совершал, десятки людей к нему приходили, и все уважительно: «Вадим Дмитрич, не позволите ли то? Не пора ли сделать се?» А я рядом с ним сидела. После работы он меня снова в ресторан повез, на этот раз в «Националь». Там объяснил: «Я, говорит, с тобой сразу, с бухты-баракхты, кинопробы делать не хочу. Ты хоть и красавица неотразимая, и очень фотогеничная, однако тебе надо несколько уроков актерского мастерства взять – я их сам тебе дам. А сейчас, говорит, поедem со мной». Куда, спрашиваю. А он: «Натуру выбирать. Я в поездке свободней буду, чем в Москве. Ну, мы и поехали, прямо на следующее утро: сначала в Суздаль, потом – Ярославль, Владимир... Жили в лучших тамошних гостиницах, обедали в лучших ресторанах, и он и вправду меня учил: и актерству, и тому, как себя вести. Откуда ж я знала, девочка из коммуналки, как с ножом и вилкой управляться, каким жестом официанта к себе подзывать... И вообще, с Вадиком я чувствовала себя принцессой, которой вот-вот предстоит короноваться.

А потом мы вернулись в Москву, и Вадим привел меня снова на киностудию, на кинопробы. Я мандражила ужасно, а он мне внушал: мол, не волнуйся, все у тебя получится, и говорил, что главная роль у меня практически в кармане. Ну, я кое-как, словно в тумане, зазубренный монолог перед камерой прочитала – и Вадик отвез меня обратно на вокзал. На прощание сказал, чтобы я из-за проб не волновалась, а через недельку-другую он, как и в прошлый раз, вызовет меня на съемки телеграммой.

Мне тяжело, конечно, было из сказки обратно в повседневную жизнь возвращаться, из «Националя» да в коммуналку, да еще в роль проводницы. Это в плацкартах проводник тогда, как хотел, пассажиром помыкал, а в СВ и в советские времена приходилось перед клиентом кланяться. Меня вдобавок, словно в отместку, на мурманское направление перевели, а там в СВ известно какая публика, ездит, особенно обратные рейсы: мареманы, которые после долгого рейса домой возвращаются с мешком денег. Поэтому пьют они, безобразят и пристают ужасно.

Но я тогда зубы сцепила – потерплю, думаю, недолго мне, будущей кинозвезде, осталось железнодорожную лямку тянуть... Правда, Вадик мне не звонил – и я не выдержала, сама ему позвонила. С первого же рейса вернулась, специально на почтамт потащилась, чтобы папаша мой (царствие ему небесное!) не зудел, что я его денежки на междугородние переговоры с любовничком транжирую... Ну, и зря я, наверно, звонила... Вадик был ужасно озабоченный, сказал, что только вернулся домой со студии, что с фильмом проблемы, его даже вообще могут закрыть – слишком смелый... А ты, говорит, дорогая, меня не дергай и жди, я все равно, что бы ни случилось, что-нибудь придумаю и к себе в Москву тебя вытащу...

Так прошла еще одна неделя, потом вторая. От Вадика никаких вестей. Я ему снова позвонила – опять с междугородного телефона, что на Лиговке был. Набрала его домашний уже около двенадцати ночи – я же знала, что он поздно ложится, да и спит всегда очень мало, слишком много дел, говорил... Но в тот раз мне не понравилось, как он со мной разговаривал – как-то сквозь зубы. В трубке слышались посторонние голоса, музыка, женский смех. Я полуплутя спросила: «У тебя вечеринка? Что празднуешь?» А он отрезал: «Я не давал тебе права лезть в мои личные дела!»

Я на него обиделась, конечно, но даже не думала, что тот звонок – сигнал... Я оправдывала его, говорила себе, что Вадик просто устал, что у него неприятности, у него своя собственная жизнь, и он, конечно, имеет на нее полное право. Я ни в коем случае не должна его контролировать. Однако сам он все равно мне не звонил, а я держала фасон неделю, другую...

Тут меня опять на московское направление перевели: конечно, не сами собой. У нас на работе (как и на любой службе, наверное!) за здорово живешь только *ухудшить* твое положение могут, а вот чтобы улучшить – приходится и бегать, и кланяться... Слава богу, девчонки подсказали мне (сейчас у нас той взаимовыручки, как в советские времена, когда одна была за всех, а все – за одного, конечно, нет уже больше), к какому начальнику пойти и что ему говорить. Ну, вот и вернули меня обратно на московское направление. А когда это произошло, я почувствовала... Короче, тогда никаких тестов в аптеках не продавалось, а пока я сомневалась, пока на прием записалась, пока пришла, врачиха мне объявила: восемь недель. И спрашивает: «Ты – безмужняя, да еще профессия такая, рожать, конечно, не будешь? Направление на аборт выписывать?» А я: «Подождите пока, мне еще кое-что надо прояснить»... Врачиха улыбается: «Дай бог тебе прояснить, мальчик у тебя, наверное, красивенький будет»... Спрашиваю ее, откуда знает, а она смеется, седая такая толстуха: «Сорок лет на этой работе – вижу! Ты очень хорошенькая, а мужа у тебя нет. Значит, увлеклась, влюбилась, разумеется, в красавца... Мамаля красивая, папаня – тоже, какой же еще ребенок, если не раскрасавец, получится? А что мальчик будет, я чувствую. Да и опыт, опять же: если по сильной любви, то всегда мальчики получаются...

Да нет, Дима, я не плачу... Чего там плакать, господи... Двадцать с лишним лет прошло, поздно уж тут жалеть! Не было – и не было ничего, я так для себя решила. И по чему тут убиваться, раз все равно – не было?

Короче, позвонила я в тот же вечер Вадиму, сказала, что послезавтра буду в Москве, и попросила утром на вокзале встретить. Он такой был... любезный, но холодный... Никакого я отпуска брать не стала, а просто, как прибыли мы с рейсом в златоглавую, попросила девчонок своих перед бригадиром меня прикрыть, а сама переоделась и, как цивильная пассажирка, выскочила на перрон. Я ничего не загадывала, но в душе чувствовала, что дело-то для меня плохо оборачивается...

Так и вышло: *он* меня даже не встретил, прислал шофера. Тот меня в «Волгу» раздолбанную с надписью «Киносъёмочная» посадил и повез куда-то. А я Москву тогда еще плохо знала, но все равно поняла: не в ту степь он меня везет – в чертову дыру, на окраину. Вот и башня Останкинская приблизилась, значит, на север едем, а квартира Вадика – в центре, «Мосфильм» с гостиницей «Украина» – тоже почти. Я шофера спрашиваю: «Куда ты меня везешь, Сусанин?» А тот усмехается: велено, мол, вас в гостиницу «Алтай» доставить. А я: «Не нужна мне никакая гостиница, никакой «Алтай». Где сейчас Прокопенко?» В ответ водила плечами пожимает: «А я откуда знаю!» Кричу ему: «Врешь! Вези к нему!» А он: «Да куда ж везти? Я и не знаю, где он!» – «Вези, – повторяю, – а то сейчас глаза тебе выцарапаю!»

Шоферюга остановился, из машины выскочил, помчался куда-то. Я рассмотрела: в телефонную будку бросился. Позвонил, поговорил с кем-то. С Вадимом, наверное. Возвращается: «Ладно, едем».

Ну, прибыли мы к знакомой проходной. В своих мечтах я туда, под вывеску «Мосфильм», как актриса каждый день приходила. Но в тот, последний раз, внутрь меня, как раньше Вадик на своей машине, не повезли. Водитель остановился на обочине, сказал: «Скоро к тебе выйдут, сиди жди». А сам ключи от «Волги» забрал и ушел.

Ждала я долго. Час, наверное, или даже больше. А кругом весна, одуванчики, птицы... Я и сомлела... Ночь у нас, проводников, известно какая: на пару часиков только прикорнешь... Проснулась от того, что кто-то – я на заднем сиденье устроилась, как барыня, – рядом со мной садится. Я со сна его обнимаю, шепчу: «Вадюшенька!» – а он холодно так меня отстраняет, говорит: «Ты чего приехала?»

Я не отвечаю, чуть не плачу, и он тогда начинает: «Фильм мой почти прикрыли, и надежды на то, что он будет снят, практически никакой. Соответственно, отпал и вопрос о том, что ты будешь исполнять в нем хоть какую-то роль. Да и вообще не советую тебе лезть в

актрисы. Профессия плохая, потому что зависимая, пока ты молодая и спишь с режиссером, тебя снимают, а случись что, никому не нужна».

Все его намеки были ясны, как день, но я все равно сказала ему, просто потому, что должна была сказать: «А ты знаешь, что у нас с тобой будет ребенок?»

Он усмехнулся: «Да, я догадывался, почему ты примчалась». Полез в карман, достал конверт: «Вот, держи. Этого хватит с лихвой. Ты знаешь, что надо делать». Я спросила: «А если не знаю?» Он снова хмыкнул: «Ну, тогда научись». А потом добавил: «Извини, у меня очень мало времени». И вылез из машины, бросив на прощание: «Тебя отвезут, куда скажешь...»

Вот и все. Вы спрашиваете, что было дальше? А что могло быть дальше? В смысле денег Прокопенко оказался щедрым человеком. В конвертике оказались не пятьдесят рублей, что нужны были тогда по такому случаю, а все пятьсот: десять широких, зеленых пятидесятирублевков. Но все равно этих денег мне не хватило бы, чтобы поднять и вырастить малыша – тем более в коммуналке на Восстания...

Потом я была замужем, дважды, а детишек мне бог больше не дал. Но меня врачи уверяли, что давняя операция с моими проблемами не связана, во всяком случае, напрямую. Говорили о каком-то бесплодии неясного генеза... То есть: и здорова, а детей все равно нет. Бог, наверное, наказал за тот грех.

И вдруг сейчас...

Знаете, Дима, меня его, Вадима, появление не потрясло. Старый он гриб, а все хорохорился, молодых охмурял... Сколько раз я думала: отольются ему мои слезки. Вот и отлились... Нет, я его не убивала... Все, что было между нами, случилось так давно и быльем поросло. Я ведь отчасти Прокопенко благодарна: он продемонстрировал мне, какими бывают мужики. Нет, я не имею в виду, *какими хорошими* или *какими плохими*. Я имею в виду масштаб. Вот чего-чего, а широты души у Вадика было не отнять. Сейчас-то он, может, и другой стал, жизнью слегка прибитый, а тогда... Размах – гигантский. Коль полюбил (ну, или там не полюбил, а просто я ему понравилась) – сразу зовет в кино сниматься. А раз в кино – то на главную роль. Ведет в ресторан – то в Дом кино или в «Националь». И гостиницу всегда снимает самую лучшую. А денег на аборт дает – пять сотен, не меньше. Да, в нем был масштаб.

Еще раз говорю: не я его убила. За что мне его убивать-то? Из мести, думаете? За ту историю двадцатилетней с лишним давности? За нерожденного ребенка? Ну, за это только в книжках мстят...

Меня единственное что расстраивает... Сказать? Ну, раз уж у нас пошла такая пьянка... Он ведь меня не узнал! Неужели я так уж переменилась? Неужели такая старая? Ну да, он сам постарел, и сильно... Но я-то его узнала! С первого взгляда! А он меня – нет. Начал передо мной рассыпаться, кто он такой и зачем в Москву едет... А то я его не знаю! Мне даже хотелось его спросить про одну интимную вещь. Про родинку, о которой любовницы только знают... Ах как бы у него лицо вытянулось... Да, не узнал он меня. Вот в чем засада-то...

* * *

Дима выпил вместе с проводницей едва ли не полбутылки водки. Если б не плеснул себе в пару к водочному стакан колы, куда регулярно тайком выплевывал «огненную воду», вряд ли б продержался: на старые дрожжи, да еще с недосыпа... Однако правильно учил его старый газетный мэтр Колосников: «Человек, не умеющий пить (или хотя бы делать вид, что пьет), потерян для журналистики. Журналисту лучше не уметь писать, чем не уметь пить».

Полуянов хорошо осознал: проводница Наталья разоткровенничалась благодаря «бутыльменту», который сама же на стол и выставила. Ну и, конечно, умению репортера – чего уж тут скромничать! – правильно поставить вопросы, разговорить человека. Да и, чего греха

таить, неземному Диминому обаянию, на кое особенно велись женщины среднего и старшего возраста.

Верил ли он проводнице Наташе? В то, что у нее в молодости был роман с Прокопенко, – бесспорно. А в то, что она его не убивала? Бог ее знает. Вроде она была искренна. А как на деле...

Если все же убила именно она, это в принципе соответствовало бы женской психологии. Девушки и женщины не умеют долго вынашивать, лелеять месть. Они, коли уж кому-то мстят, то чаще спонтанно: увидела обидчика – вспомнила былое – поднялась у нее из глубины души муть – взяла и подсыпала в бокал яд... или ножом полоснула... Поэтому выводить проводницу из числа подозреваемых пока не стоит...

Журналист успел задать Наталье парочку контрольных вопросов. Действительно ли она заперла на ночь дверь, отделяющую вагон от остального состава? Ответ: да, в самом деле заперла. Кто мог ее отпереть с противоположной стороны? Ответ: бригадир поезда, да и любой проводник любого другого вагона. А ложилась ли она сегодня спать? Ответ: нет, не ложилась. Выглядывала или выходила ночью в коридор? Да, и выходила, и выглядывала. Кого видела? Высокого седого старика (Старообрядцева, понял Дима), молоденькую девчонку (Марьяну), как она туда-сюда ходила, обоих молодых людей – красавчика и хилого (Кряжина и Ковтуна) и старуху-актрису (Цареву). А вот режиссера, его нынешнюю любовницу и его, журналиста, не видела.

«Господи, чем я занимаюсь?» – подумал Полуянов.

Он стоял в вагонном коридоре и остужал лоб о холодное стекло. Рассветное солнце поднялось уже довольно высоко, мелькало в просветах между свежей листвой летящего навстречу леса. Спать Диме хотелось смертельно. А думать не хотелось ничуть. «Бог с ним, с расследованием, – малодушно вдруг решил журналист. – Я ведь не милиционер и даже не частный сыщик. Вряд ли у меня получится найти убийцу, тем более – за столь ограниченное время. Может, я просто очерчу в газете круг подозреваемых – от проводницы Наташи до оператора Старообрядцева. Даже интересней будет, чем если имя убийцы назову...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.